

Густав
Богуславский

100
ОЧЕРКОВ
О ПЕТЕРБУРГЕ

СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА
ГЛАЗАМИ МОСКВИЧА

Всё о Санкт-Петербурге

Густав Богуславский
**100 очерков о Петербурге.
Северная столица
глазами москвича**

«Центрполиграф»

2011

Богуславский Г. А.

100 очерков о Петербурге. Северная столица глазами москвича /
Г. А. Богуславский — «Центрполиграф», 2011 — (Всё о Санкт-Петербурге)

Вашему вниманию предлагается 100 интереснейших историко-художественных очерков. Главная особенность книги в том, что, даже рассказывая о многократно упоминавшихся другими знатоками истории фактах, Богуславский всегда находит что-то новое или показывает события в совершенно неожиданном ракурсе. Автор по собственному усмотрению коснулся отдельных событий, примечательных мест и персон, оставивших след в судьбе города на Неве. Чистый и живой русский язык, проникновенная интонация, основательный анализ затрагиваемых тем и ощущение безмерной любви автора к городу делают книгу интересной самому широкому кругу читателей.

© Богуславский Г. А., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Учитель. Просветитель	5
От редактора	9
Начало	11
Государева дорога	11
Морская столица	15
Спуск корабля	20
Новый город для нового времени	25
На Городском острове	28
«Канцелярия от строений»	33
Встреча ботика	39
Ништадтский мир	44
К политесу и парадизу	49
Почтовый двор	49
Ассамблеи	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Густав Александрович Богуславский

100 очерков о Петербурге. Северная столица глазами москвича

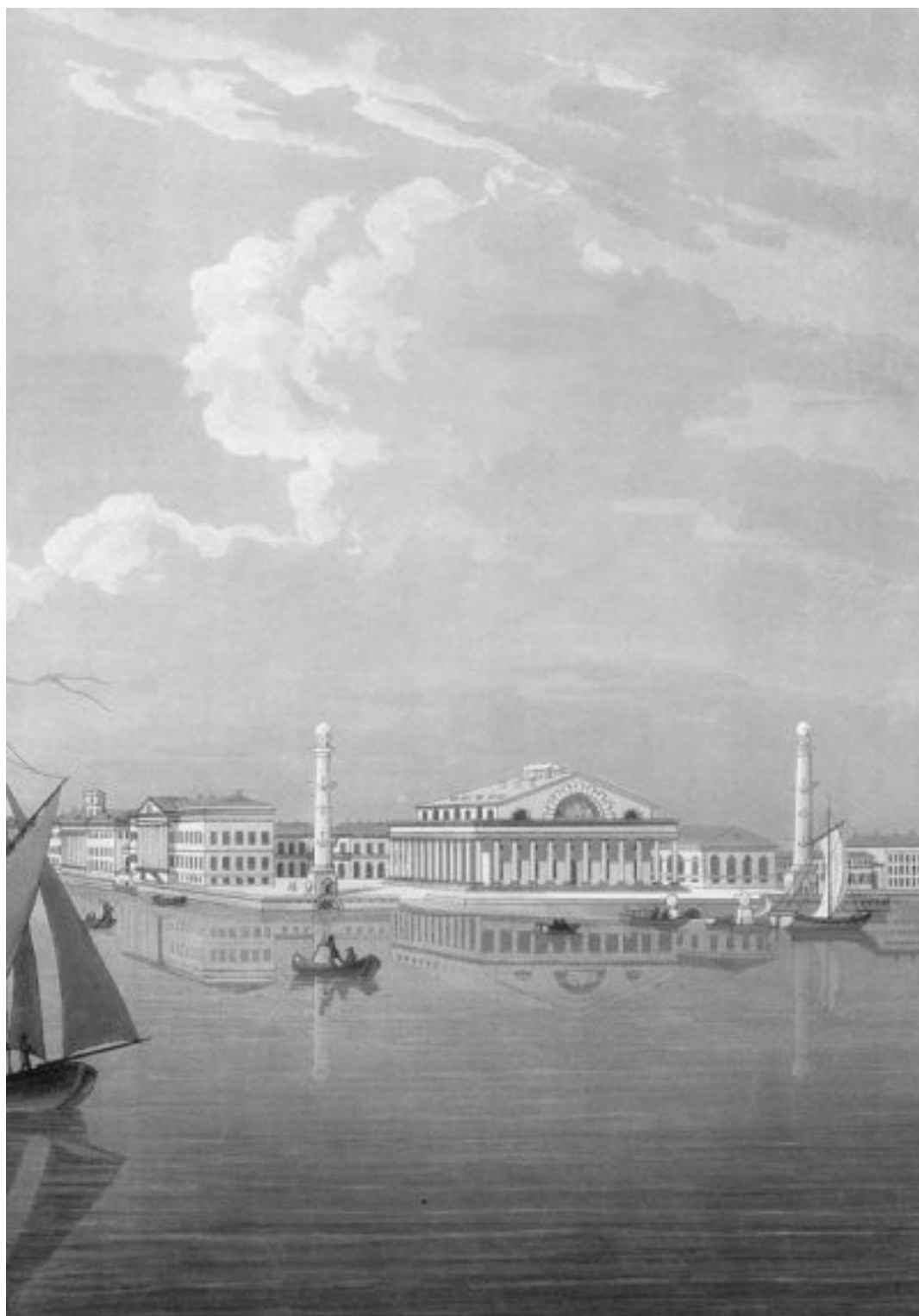
Учитель. Просветитель

Создатели петербурговедения – энтузиасты-романтики. Так было и в 20-х годах XX века, считающихся «золотым веком» российского краеведения, – эпоху, когда творили Гревс и Анциферов. Именно тогда были заложены основы новой науки – петербурговедения. Так происходит и в последние десятилетия, отмеченные небывалым размахом краеведческой деятельности в Петербурге. Немалую роль в современном взлете петербурговедения сыграли Густав Александрович Богуславский и Университет Петербурга. При его непосредственном участии двадцать лет назад, в 1991 году, был создан Университет Петербурга.

Впрочем, здесь мы не будем говорить о творческом пути и научных достижениях Густава Александровича. Хочется сделать хотя бы некоторые наброски к портрету этого уникального человека.

Мне особенно приятно говорить о нем, поскольку он был моим школьным учителем. Причем не просто учителем, а, как бы высоко это ни звучало, именно Учителем. Два года, проведенные под началом Густава Александровича в школе № 107 на Выборгской улице, стали настоящим историческим «университетом» – даже знания, полученные затем в вузе, порой не могли сравниться с высочайшим уровнем школьных лекций Богуславского. Уроки стали настоящей школой жизни.

Сказалась и эпоха перемен начала 1990-х годов. Это было время, когда исторические знания были не абстракцией, а помогали найти ответы на острейшие вопросы современности.

И именно благодаря Густаву Богуславскому многое из происходившего тогда нам, ученикам его класса, удавалось воспринимать не только с точки зрения простого человека, а с точки зрения гражданина, историка, волею судеб ставшего свидетелем великих исторических событий. То, что будоражило страну в те годы, становилось предметом обсуждения на уроках истории. И хотя позиция Густава Александровича не всегда совпадала с нашей, по-юношески радикальной, его всегда спокойный и взвешенный тон помогал смотреть на происходившее без лишних эмоций.

Густав Богуславский стремился не только донести до нас свои поистине энциклопедические исторические знания, но, главное, учил мыслить, сравнивать, анализировать, учил сомневаться и очень взвешенно и осторожно относиться к любым историческим суждениям и оценкам, каким бы непререкаемым научным авторитетам они ни принадлежали. Именно такой подход был положен Густавом Богуславским и в развитие современного петербурговедения...

Может показаться удивительным, что за многие десятилетия работы на ниве исследования Петербурга из-под пера Густава Богуславского не вышло ни одной книги. Объяснение простое: Густав Александрович никогда не стремился к «печатной славе». Своей главной миссией он считал просветительство. И действительно, его можно назвать не только учителем, но и просветителем с большой буквы. Именно за заслуги на просветительском поприще он по праву был удостоен высших наград петербурговедения – Анциферовского диплома и Анциферовской премии.

Быть просветителем ему помог незаурядный ораторский дар. Густав Богуславский умеет удивительно чувствовать аудиторию, находить с ней общий язык, воодушевлять людей, и его лекции – не просто рассказ о каком-то факте или событии, это страстный монолог (иногда переходящий в диалог), нередко сопровождающийся историческими параллелями и экскурсами совсем в иные эпохи. А иногда – публицистическими отступлениями на злобу дня.

Помню, что первые школьные лекции Богуславского произвели на меня поистине ошеломляющее впечатление. Признаться, я был восхищен. С годами пришло понимание: публичные лекции были для Густава Александровича не просто его потребностью, способом самовыражения, – это была настоящая страсть. И какие бы грустные мысли ни одолевали его, Густав Александрович всегда преображается, едва только поднимается на лекторскую кафедру (иногда достаточно и воображаемой «кафедры»). И тогда наступает его очередной «звездный час».

Мне не раз доводилось убеждаться: Густав Александрович – натура увлекающаяся. Он, несомненно, принадлежит к породе людей, генерирующих идеи. И творческий импульс для него важнее дальнейшей жизни его любимого детища. Он создает его и отпускает в свободное плавание. Так было и со школьными историческими классами, которые он создавал, и с Университетом Петербурга. Именно ему принадлежало авторство и названия (речь шла об универсальных знаниях о Петербурге), и первой программы этого учебного заведения.

Густава Александровича всегда привлекала школьная работа – здесь он был не только педагогом, но и опять-таки просветителем. Он сам набирал классы, чему свидетель автор этих строк. И «экзамен», который требовалось сдать для поступления в его класс лично Богуславскому, проходил только по ему ведомым требованиям и критериям.

Со времени окончания мной исторического класса Богуславского прошло уже двадцать лет. Что-то стерлось из памяти. Забылись мелкие и досадные школьные неприятности. Но осталось ощущение сопричастности к исторической личности. Те два года в классе Богуславского были подлинным университетом...

Сергей Глезеров

От редактора

Сергей Глезеров прав, Густав Александрович Богуславский – уникальный человек. Сказать о Г.А. Богуславском, что он «широко известен в узких кругах», подразумевая под «узким кругом» специалистов по истории Санкт-Петербурга, – несправедливо. Тысячи бывших студентов и школьников помнят замечательного, удивительного учителя. Тем не менее хочется дополнить очерк С. Глезерова. Говорить о Г.А. Богуславском, не впадая в панегирический тон, трудно, но я попытаюсь обойтись без пафоса.

Я удостоился знакомства с ним по служебному поводу, мы многократно встречались дома у Густава Александровича для обсуждения структуры и содержания этой книги, подбирали иллюстрации. Естественно, в беседах иногда отклонялись от сугубо деловых моментов. Так я узнал о необычном начале профессионального пути Густава Александровича. Мне представляется важным упомянуть об этом. Эпизод говорит о нравах и людях той поры.

Московский мальчик-восемиклассник «заболел» темой истории возникновения Санкт-Петербурга и эпохи Петра I в историческом кружке своей школы. Летом 1940 года ему довелось присутствовать в Московском государственном университете на защите диссертации (по теме «Ништадтский мир») одного высокопоставленного морского чина, и там он удивил ученый совет парой вопросов к диссертанту, обнаруживших его недюжинную эрудицию. Декан исторического факультета Московского государственного университета решил познакомиться с любознательным мальчиком поближе. Впечатлениями о знакомстве с сыном мамы-библиотекаря (отец умер в 1930 году) он поделился с министром высшего образования Потемкиным. Тот пригласил Густава к себе на прием и после обстоятельного разговора предложил ему без экзаменов поступить на исторический факультет МГУ – для этого, правда, требовалось за один год пройти курсы 9-го и 10-го классов школы. Густав это обязательство исполнил.

Любопытная деталь: во время беседы министр поинтересовался, о чем мечтает мальчик. Густав произнес: «Побывать в Ленинграде, поработать в исторических архивах. Но мне негде там остановиться...» «Эта проблема решаемая», – заявил Потемкин. Через некоторое время Густав получил приглашение от ленинградских властей приехать и поселиться в комнате в роскошном доме № 26–28 по Каменноостровскому проспекту. Сюжет по нынешним временам – сказочный. Случайность – подумает кто-то, но, говорят, случайность есть проявление скрытой закономерности...

С выпускного школьного бала Густав отправился на вокзал. Утром 22 июня 1941 года он приехал в Ленинград. Дальше – война. Поступление в МГУ пришлось отложить. Из-за слабого зрения его комиссовали, но он фактически оказался «вольнонаемным» на военной службе – лектором в Политуправлении Северного флота. Выступал с докладами об исторических подвигах русского флота на кораблях и в береговых частях. Юного лектора периодически слушали и офицеры штаба Северного флота во главе с командующим флотом адмиралом Арсением Головкин.

После окончания войны, не воспользовавшись имеющейся привилегией, Густав блестяще сдал вступительные экзамены на исторический факультет МГУ. Завершив обучение, преподавал историографию и источниковедение в университетах Москвы и Ленинграда (и сегодня в свои 87 лет читает этот курс в Санкт-Петербургском государственном университете!), вел курс по военно-морской истории в Инженерном училище им. Ф.Э. Дзержинского (его учениками были известные ныне всем морякам атомного подводного флота адмиралы Б.П. Акулов и М.М. Будаев).

Работу в вузах Густав Александрович совмещал с преподаванием в средних школах курсов истории и обществоведения. В конце 1970-х годов удостоился звания «Лучший учитель года Ленинграда» по своей специальности. Летние каникулы он всегда проводил вместе с уче-

никами в путешествиях по стране, в пеших и шлюпочных походах. Исходил всю страну... Не случайно позже он станет почетным членом Географического общества России. Со знаменитой трибуны лекционного зала этого Общества им будут прочитаны 235 (!) лекций (с Л.Н. Гумилевым они «состязались»: у кого больше слушательская аудитория...).

Впечатления от путешествий помогут Г.А. Богуславскому в составлении комментариев к книгам-альбомам «Память России», «Памятники Поволжья», «Памятники Сибири». Его книга «Вечные сыны отчизны» была номинирована на Ленинскую премию. Он первым в Советской России опубликует исследование «Острова Соловецкие». Эта книга получила самую доброджелательную оценку Д.С. Лихачева и послужила поводом для их знакомства, переросшего в доверительные дружеские отношения. Густав Александрович – один из авторов идеи создания Всемирного клуба петербуржцев и один из его первых членов. Можно долго рассказать о заслугах Г.А. Богуславского в области исследования истории Санкт-Петербурга, но надо знать меру.

Несколько слов об этой книге. Она не является изложением истории Санкт-Петербурга в строго хронологической последовательности. Автор по собственному усмотрению коснулся отдельных событий, примечательных мест и персон, оставивших след в судьбе города на Неве.

Но фрагментарность изложения не мешает восприятию и пониманию замысла и идеи книги. Главная особенность очерков Г.А. Богуславского: даже рассказывая о многократно упоминавшихся другими знатоками моментах истории Санкт-Петербурга, он всегда находит что-то новое в фактологии или в совершенно неожиданном ракурсе, по-своему трактует, казалось бы, общеизвестное и общепринятое, нередко соединяя ассоциативными «мостиками» проблемы давних времен с реальностями современной России.

Совокупность предлагаемых очерков вполне может быть отнесена к работе в жанре «неизвестное об известном».

Очевидные достоинства предлагаемой книги – чистый и живой русский язык, проникновенная интонация, основательный анализ затрагиваемых тем (при «камерности» формата – очерки), ощущение безмерной любви автора к городу, ставшему для него родным.

Владимир Середняков

Начало

Государева дорога

Государева дорога – священное место народного труда в далеком-далеком прошлом.

М. Пришвин

Петербург родился при обстоятельствах, основании нового города вроде бы совсем не способствовавших. Он был рожден в ходе войны, на самом театре военных действий, среди боев. И создание его было продиктовано в первую очередь нуждами войны.

Россия давно уже была удалена от морских побережий, замкнута в сухопутных границах. Черное море было как бы «внутренним озером» Османской империи, Турции, а Балтика – внутренним озером могучего тогда Шведского королевства. Территории, бывшие исконной частью Руси, входившие в состав Новгородской земли, места, по которым проходил не только древний «путь из варяг в греки», но и пути направленной на север новгородской средневековой канонизации, оказались отторгнутыми от России, стали отдаленной провинцией Швеции.

Великая Северная война России со Швецией, продолжавшаяся 21 год, была начата 28-летним царем Петром I в августе 1700 года. В начале войны задача сводилась к захвату какого-либо важного, существенного, пункта на берегу Финского залива – закрепиться здесь, получить жизненно необходимый России выход к морю – такова была задача, для решения которой наскоро собранные, обученные и вооруженные русские полки осадили важную шведскую крепость Нарву.

Здесь, под Нарвой, в ноябре того же года русское войско потерпело жестокое поражение от главных шведских сил, возглавляемых 18-летним королем Карлом XII. Собранная Петром «армия» практически перестала существовать. Другой бы, оплакивая потери, покорился судьбе, сложил руки – но не таков был Петр. Много лет спустя, называя нарвскую катастрофу «счастьем», он писал, что после нее «неволя (небходимость действовать. – Г. Б.) леность отогнала и ко трудолюбию и искусству (т. е. к неустанной и серьезной, профессиональной деятельности. – Г. Б.)... принудила».

И уже в следующем, 1701 году в Прибалтике были одержаны первые, пусть и незначительные в военном отношении, но важные сами по себе, успехи, летом 1702 года – новые.

Тут и возникает у Петра идея перейти от отдельных мелких «уколов» неприятелю к планомерному завоеванию важной операционной линии – реки Невы, напрямую выводящей в Финский залив. Задача была архисложной: операционную линию надежно держали две шведские крепости – Нотебург (бывшая новгородская крепость Орешек) в начале Невы, на острове, образованном двумя протоками, которыми река вытекает из Ладожского озера, и Ниеншанц – ближе к устью Невы, на правом ее берегу, при впадении в Неву реки Охты.

Пётр понимал, что островной Нотебург защищен водой и взять его атакой только с суши, хотя бы и при мощной артиллерийской поддержке, невозможно: нужен одновременный штурм и с суши, и с воды. Но военных кораблей для этого на Ладоге нет и взяться им неоткуда, хотя значительная часть побережья озера принадлежала России.

В. Суриков. Пётр I перетаскивает суда из Онежского залива в Онежское озеро в 1702 году. 1872 год

И тут у Петра возникает невероятная, грандиозная идея: переправить в Ладугу военные корабли, протаскив их посуху из Белого моря... Так родилась затея прокладки «Государевой дороги».

План был грандиозный. И не только по необычности, даже невероятности самого замысла и значительности предполагаемых результатов, но и по объему разнообразных подготовительных работ. Предстояло подготовить – а это значило построить – и корабли, и саму дорогу.

Затевалась не частная, местная акция. Ее предстояло развернуть на огромной территории, и вовлекалось в нее множество людей. И задача сохранения этого предприятия в тайне от противника осознавалась как одна из важнейших. Взятие Нотебурга было важно не само по себе, а как начало освобождения исконных русских земель и овладения операционной линией реки Невы – прямого пути в Балтику Пётр еще годом ранее намеревался «достать по льду Орешек», но намерение «оное пресеклось»...

Теперь время наступило. 18 апреля 1702 года Пётр с двенадцатилетним царевичем Алексеем, с большой свитой и полками своей гвардии, Преображенским и Семеновским, покинул Москву и через месяц добрался до Архангельска. Неподалеку отсюда, в двинском селении Вавчуга, жители которого издавна строили парусные суда для морских плаваний местных поморов, были заложены два 12-пушечных трехмачтовых фрегата (длина их была по 21,5 м, ширина по 2,5, а осадка не достигала и 3 м). Названы они были «Святой Дух» (капитан Памбург) и «Курьер» (капитан Валрант) и в Троицын день торжественно спущены на воду («было торжество великое с пушечного стрельбою и потешными огнями»).

А через несколько дней, 8 июня, царь призывает двух своих особо доверенных людей – Ипата Муханова и Михаила Щепотева – и приказывает им приступить к исполнению «некоего ухищрения». Надлежит обследовать морской берег в районе Онеги и найти «ближайший и спокойный водяной и сухой путь» в направлении озер и рек Балтийского бассейна.

5 августа Пётр писал Федору Апраксину: «Мы с обоими полками только ветру ожидаем, который получа, пойдем на море до Нюхты, и оттоль, переправяся сухим путем на Онегу-озеро... и из того озера Свирию в Ладугу»...

А сержант Михаил Щепотев тем временем прокладывал «Государеву дорогу» через перешеек, отделявший Белое море от Онежского озера. В его подчинении было до 5 тысяч крестьян, согнанных из поморских вотчин Соловецкого монастыря, из Заонежья, Каргопольского и Боломорского уездов. Щепотев доносил царю, что был послан «для чистки дорожной» и для оборудования пристаней для фрегатов. Но на самом деле все было куда сложнее. Предстояло прорубить просеки, очистив их от камней, пней и обрубков, застлать гатями путь через болота и трясины, через коварные «мхи»; заготавливались подводы для перевозки грузов, корабельного и воинского имущества, плоты для наведения плавучих мостов через многочисленные реки и речки на трассе, заготавлился лес для устройства пристаней и настилки кладей, строились сараи на местах будущих ночовок («ямы»).

Трасса дороги была выверена точно. Она проходила в стороне от нечастых в этих местах малолюдных деревень и лишь частично совпадала с той древней дорогой, по которой продвигалась на север в XIV–XV веках новгородская колонизация и по которой иногда шли на Соловки богомольцы. Дорога шла через дебри и болота, через реки и рытвины, по склонам холмов – шла с поистине петровской прямолинейностью. И длина ее превышала 180 км.

В одной из старинных народных песен об этом подвиге говорится так: «По зыбям и трясинам, по горам и водам, по мхам дыбучим и лесам дремучим лес рубили, клади клали, плоты и мосты делали». Достаточно сказать, что когда в 1821 году возник проект восстановления «Государевой дороги», подсчитали, что для этого понадобится привлечь не менее семи с половиной тысяч работников и три с половиной тысячи лошадей...

Работы начались в середине июня, а уже в начале августа Михаил Щепотев доносил царю, что «дорога готова, и пристань, и подводы и суда на Онеге готовы... а подвод собрано 2 тысячи и еще будет прибавка»...

В четверг 6 августа царь со свитой и полками гвардии «от города Архангельского учинил морем транспорт на 4 своих и на 6 нанятых голландских и английских кораблях» к Соловецким островам, куда и прибыли 10 августа.

Несколько дней пребывания в знаменитом монастыре были заполнены богослужениями и празднествами – нарочито громкими в целях дезинформации шведов. А 16 августа из Залива Благополучия, на берегу которого возвышаются стены Соловецкого монастыря, началось осуществление задуманного Петром «некоего ухищрения», коему суждено было перевернуть весь ход войны и завершиться выходом к Балтийскому побережью и основанием Петербурга. В час дня раздался сигнальный выстрел из корабельной пушки, «а после выстрела на всех кораблях, побрав из моря якори и распустив паруса, попутным ветром пошли... к новопостроенному на взморьи у Вардегоры корабельному пристанищу».

Расстояние в 85 миль по Белому морю было пройдено спокойно, флотилия достигла Вардегоры (в 15 верстах от старинного поморского селения Нюхчи). Полтора века спустя путешественник и писатель С. Максимов еще видел на месте той пристани в Вардегоре груды размытых водой камней.

Оба фрегата были разоружены, такелаж и рангоут сняты, а оголенные их корпуса поставлены на специальные сани с полозьями; под полозья подведены катки – каждый корабль тянули канатами 100 лошадей с подводчиками и 100 солдат.

На обычно пустынном беломорском берегу царило небывалое оживление: тысячи людей суетились, торопясь как можно скорее начать небывалый трудный поход.

Двинулись 17 августа. Шли десять дней. Выбивались из сил, страдали от ненастья, постоянных дождей, тянули корабли и грузы по кладям через болота, по просекам через лесные дебри, переправлялись через встречавшиеся на пути реки. Но ночам отдыхали под открытым

небом на привалах – «ямах», где только для «особ» были приготовлены «зимушки», а все остальные просто согревались у костров на заранее приготовленных для этого дощатых помостах. Вековая тишина леса и «мхов» нарушалась шумом, производимым тысячами людей, в облачное небо поднимался дым сотен костров.

Остановок на «ямах» было девять – по числу ночей, проведенных в этом беспримерном походе. 27 августа, в четверг, на десятый день по отправлении из Вардегоры, прибыли в Повенец на северном берегу Онежского озера. Нелегкий путь, во время которого преодолели водораздел между Беломорским и Балтийским бассейнами (у Масельги), остался позади. «Святой Дух» и «Курьер» были спущены на воду, на них поставили рангоут, натянули такелаж, установили пушки – и побежали фрегаты по озеру. Мимо Заонежья, минуя Шуньгу и Толвую, мимо Кижей – на юг, к началу Свири, а потом по ней – в Ладожское озеро.

И совершенно неожиданно для неприятеля оказались корабли у Нотебурга – крепости, которую шведы считали неприступным оплотом своего владычества в этих краях...

Небывалый поход был закончен.

В конце сентября Нотебург был осажден – и с воды, и с суши, с берега, войсками фельдмаршала Бориса Шереметева. Ал октября 1702 года после яростной бомбардировки и ожесточенного штурма крепость была взята. Путь в Неву был открыт – и «Орех-крепость» переименовали в «Ключ-крепость». Нотебург стал Шлиссельбургом – ключом ко всем дальнейшим успехам в этом районе.

День взятия Нотебурга ежегодно отмечался как одна из главных дат всей Северной войны. Через 16 лет в этот день, будучи в Шлиссельбурге, Пётр напишет, что поздравляет с «сим счастливым днем, в котором русская нога в этих землях фут взяла и сим ключом много замком отперто».

Первым из таких «замков» была крепость Ниеншанц, в 12 км вверх по Неве от устья реки. И весной следующего 1703 года войска двинулись сюда от истока Невы, от Шлиссельбурга, по правому берегу реки.

Осада Ниеншанца была недолгой. 1 мая крепость капитулировала. Пётр переименовал ее в Шлотбург – «замок-крепость». Шлиссельбургский ключ точно подошел к этому замку.

Так завершилась история «Государевой дороги». Впереди были крупные и важные события. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Государева дорога – подвиг русских людей. Это была прежде всего трудная работа, требовавшая огромного физического и психологического напряжения всех причастных к ней людей. Сверхчеловеческих усилий и, конечно, немалых жертв. Михаил Пришвин еще в начале XX века передавал записанные им слова местного старожилы: «Отец, когда завидит Государеву дорогу, непременно шапку снимает и скажет: что тут народу легло. Так наши отцы шапки снимали на священных местах».

Нынче дорога эта затерялась, она поглощена природой. Но память о ней осталась в народе как об одной из ярчайших страниц его истории. А в истории Петербурга – в особенности: ведь «Государева дорога» явилась непосредственной предшественницей нашего города, прологом всей его истории.

Морская столица

Когда благословил Бога поморския страны возвратити себе с и другими вновь завладеть – что было бы, аще бы не было готового флота, как бы места сии удержати, не токме что оборонитися...

Ф. Прокопович. «Слово похвальное о российском флоте». 8 сентября 1720 года

Тысячи приморских городов раскинулись по берегам всех океанов и морей нашей планеты. Гигантские мегаполисы и маленькие рыбацкие городки – их объединяет не просто близость к воде, «причастность» к ней, а то, что эта прекрасная и таинственная стихия полностью определяет и судьбу этих городов и городков, и их историческое предназначение, и стиль мышления, мировосприятия, свойственный их жителям, и весь уклад повседневной жизни.

Многие такие города возникли и выросли как порты мирового значения, иные – как крупнейшие центры судостроения, некоторые – как важнейшие очаги морской науки и культуры, как хранители «морской памяти» человечества. А она, эта память, составляет одну из важнейших граней цивилизации...

Но есть ли среди этих тысяч приморских городов такие, которые заслуживают названия морской столицы своей страны? Ведь понятие это включает, вмещает в себя множество разнообразных функций: это и резиденция управления флотом, и его главная база, и порт, и место, где формируются национальная морская идеология и морская культура, и центр образования и воспитания моряков. И просто город, жизнь которого неразрывно связана с морскими традициями, с верностью им и гордостью ими.

Путешествуя по морской карте, вспоминая мировую историю мореходства, задумываясь над вековой судьбой крупнейших приморских городов, приходишь к выводу, что «морских столиц» в полном, «энциклопедическом», значении этого слова, объединяющих в себе самые разные смыслы и значения, почти нет. В одном городе – гигантский порт, в другом – великолепные верфи, в третьем – Адмиралтейство... А вот чтобы все вместе, в одной, неразрывной «связке», в теснейшем взаимовлиянии – такого примера почти нет...

Почти – потому что единственным, кажется, подобным примером является Петербург. Здесь все, все отрасли науки и практики, связанные с морем. Управление флотом и морское образование, кораблестроение и торговый флот, начальный и конечный пункт выдающихся плаваний и крупнейший центр изучения Мирового океана. И – уникальный случай – совпадение на протяжении двух с лишним веков ранга и обязанностей морской столицы и столицы огромного государства.

Более того, этот город, Петербург, и задуман был, и создан, и развивался, и столицей России стал в первую очередь и главным образом из-за своего приморского положения. Северная война, начинавшаяся как борьба за выход к морю, быстро стала войной за выход России в море, и закладка крепости на первом же отвоеванном кусочке Балтийского побережья, на одном из небольших островов архипелага, образованного Невской дельтой, имела не столько военное, сколько преобразовательное значение. Этот акт был вызовом и Европе, и самой России, началом ломки традиционного «сухопутного» менталитета, началом одного из глубочайших его преобразований. Крепость соединилась с верфью, и это соединение стало ядром будущего города, который рос и развивался ради флота, многим жертвуя при этом.

Город этот и флот на его верфях строила вся страна. Страна, уподобившаяся, по образному выражению Пушкина, «спущенному на воду кораблю». «Петербургские призывы» строителей и мастеров по всей европейской России решали проблемы кадров и населения «юного града». Морское побережье, река, водная стихия стали источником энергии этого города. Его

градостроительная идея и уличная сеть формировались на основе гидрографического фактора, царские дворцы и резиденции располагались непременно у воды – набережная Невы, Петергоф, Стрельна, Дубки. Левобережье Невы, вся территория вокруг Адмиралтейства были отданы флоту – строителям кораблей и «морского флота служителям». Кроме главной, Адмиралтейской, верфи появились и другие центры судостроения: верфи Галерная, Охтинская, Партикулярная. Нева была главной магистралью, главным «проспектом» Петербурга. На огромной акватории Невы торжественно праздновались триумфы военных побед, а в обычные дни, в повседневной жизни, река представляла удивительное зрелище: корабли всех рангов, военные и торговые, с живописными палубными надстройками, с дивной геометрией рангоутов, сотни лодок, яхт, парусных и гребных, сновали по реке во всех направлениях – город распахнулся к воде, открылся ей со всей своей красотой, своей необычностью.

Напомним, что именно тогда, когда в Петербург, которому и десяти лет еще не исполнилось, переносилась из Москвы столица России, Пётр намеревался центр этой новой столицы расположить на острове Котлин, совсем посреди залива. Есть столицы, расположенные на островах, но остров, превращенный в столицу...

Первый «пласт» населения Петербурга непосредственно, профессионально и житейски, связан с морем или с обслуживанием этого «морского люда». И первым регулярным учебным заведением новой столицы становится переведенная из Москвы и в Петербурге радикально преобразованная Морская академия. Морским кадетским корпусом, Морским училищем, а ныне Морским институтом Петра Великого, начинается великолепная история петербургского образования, петербургской педагогики – морской, военной и гражданской. А в конце XVIII века созданием при Павле I в 1798 году Училища корабельной архитектуры закладываются основы отечественного кораблестроительного образования. До революции Петербург с его высшими морскими учебными заведениями, с Морской академией и Училищем торгового мореплавания был единственным в России центром высочайшей по качеству подготовки кадров морских офицеров и кораблестроителей. Из здешних учебных заведений выходили все те, кто побеждал в морских сражениях, кто совершал удивительные по своим профессиональным и научным результатам долгие кругосветные плавания, кто своими научными трудами обогащал мировую науку и море – навигацию, гидрографию, океанографию. Те, кто открывал Антарктиду и внес неоценимый вклад в изучение и освоение Арктического бассейна.

Вся богатейшая русская морская литература вырастает из «петербургского корня». Здесь работал Морской ученый комитет, здесь в 1848 году родился и вот уже более 160 лет издается – без какого-либо перерыва – «Морской сборник» – единственный отечественный журнал, сохранивший за полтора века не только свое название, но и свое направление. Во второй половине XIX века журнал этот был одним из самых прогрессивных, влиятельных и читаемых изданий в России, его передовая роль в общественной жизни формировалась участием в нем знаменитых моряков, выдающихся ученых и первоклассных литераторов и публицистов.

В самом центре Петербурга, в Адмиралтействе, с петровского времени размещалось управление российским флотом: Адмиралтейств-коллегия, Морское министерство и Адмиралтейств-совет. И главной базой Балтийского флота были Петербург и его «младший и любимый брат» – Кронштадт. Здесь родились, отсюда «отпочковались» все другие российские флоты: Черноморский, Тихоокеанский и, уже в советское время, Северный. Здесь формировалась российская морская идеология, национальная морская доктрина. И – это чрезвычайно существенно – здесь на протяжении всех трех веков истории нашего города постепенно вырабатывалась отечественная морская культура.

Она стала важнейшей гранью, неотъемлемой составной частью того феномена мировой цивилизации, который мы называем «петербургской культурой». Корпоративный дух моряков, высокий профессионализм и великолепная образованность «морских служителей» предполагаются в качестве неперменного условия самой «природой» этой профессии, охватывающей

практически все науки, точные и гуманитарные, и все стороны практической жизни и человеческих отношений.

И вряд ли покажется натянутым утверждение, что эта универсальная и в то же время специфическая «морская культура» является одной из важнейших частей петербургской «культурной конструкции» в целом. «Морской дух», осознание петербуржцами себя жителями морской столицы, особое настроение, атмосфера, возникающая из этого самоосознания, – один из «столпов», на которых стоит Петербург. Моряки, представляющие одну из самых образованных в стране корпораций, из которой вышли многие выдающиеся люди. Очень заметное в истории Петербурга, в его жизни морское сообщество, не замыкавшееся в себе, а «прораставшее» в различные ячейки научной и общественной жизни столицы, даже сама праздничность морской формы, пресловутый «морской шик» всегда были неременной – и очень важной – частью культурного бытия Петербурга – Ленинграда, парадного и повседневного...

Да и сам город всегда очень дорожил всем, что выявляло его «морскую сущность», хранило его «морскую память». Здесь и крупнейшие флотские культурные очаги: Центральный Военно-морской музей, военно-морские архивы и знаменитая Военно-морская библиотека. Здесь памятники русским морякам – адмиралам, «плователям вокруг света» и подвигам простых матросов. Здесь морские храмы: и потрясающий своим архитектурным совершенством Богоявленский собор, более известный под именем Никольского морского, и Пантелеймоновская церковь, сооруженная в честь победы молодого Балтийского флота при Гангуте, и Чесменская церковь. И отмеченные изображением якорей надгробия на могилах русских моряков на разных кладбищах Петербурга.

Не следует забывать о том, что два скрещенных якоря, морской и речной, являются главным элементом исторического герба Петербурга. И о том, что одним из символов нашего города является кораблик на шпигеле Адмиралтейства, летящий на всех парусах над вечно родным для него городом!

Таковы основания весьма важного для нас утверждения, что Петербург – не только «морская столица» России, но, может быть, единственный приморский город в мире, в котором сосредоточены все без исключения грани этого многозначного понятия, все разнообразные функции, его определяющие. Петербург не просто был и жил рядом с морем – Петербург сросся с проникшим в него морским духом, настроением.

Приходится, однако, отметить, что в нынешнем Петербурге многое от этой морской личности утрачено. Город как бы «отвернулся от воды» – от стихии, ради которой он был триста лет назад замыслен и рожден. Далеко на запад переместилась главная база Краснознаменного Балтийского флота. Совершенно опустела акватория Невы, прежде самая оживленная часть города. Пока что нет у города и «морского флота». Имеющий великолепные традиции петербургский парусный спорт переживает нынче очень нелегкие времена. И очень обидно идти по тротуару Дворцовой набережной, почти не встречая и не обгоняя других прохожих. Замечали ли вы, что набережные Невы в обычное, непраздничное время стали самым пустынным местом в городе, не говоря, разумеется, о сотнях машин, несущихся мимо тебя по мостовой вдоль пустынной реки?

Нева, ее рукава и притоки, старинные каналы как-то перестали быть «главными проспектами и улицами» Петербурга, ушли из контекста повседневной жизни, оставшись приметами «парадного», «плакатного» Петербурга, сюжетом для открыток. И хотя есть в Петербурге Морской совет, работают музеи, благополучно проходит каждый год прием в разнообразные морские учебные заведения Петербурга – академии и высшие училища, университеты, единственное в стране Нахимовское училище и Морской кадетский корпус в Кронштадте – все же утрата «морского духа», его «выветривание» из повседневной жизни города, разобщение «морского сообщества» ощущается явственно.

Это грустно и тревожно. Город, рожденный великой идеей выхода России в море, не может этой идеи ни забыть, ни исказить. Недаром ведь его осеняет золоченый кораблик, парящий над ним на свежем балтийском ветру, дующем в тугие паруса.

А начиналось все одновременно с рождением Петербурга. Мы знаем, в день закладки крепости на Заячьем острове Пётр находился на Олонецкой верфи, где спешно сооружались корабли для первой балтийской флотилии. И после «крещения» города в конце июня 1703 года царь снова там же. 22 августа спущен на воду 28-пушечный «Штандарт», построенный мастером Геренсом, – на нем Пётр в начале сентября (в «Юрнале» запись: «8 сентября корабли пошли в Санктпитебурх») возвратился в свой новый город, заложив на Олонецкой верфи 6 фрегатов и 9 шняв.

Кстати, «Штандарту», как и петровской шняве «Мункер», суждено было стать одними из первых в России флотских «мемориалов». 27 сентября 1729 года последовал указ Петра, которым предписывалось «оный корабль починить и ввезть в Кронверкскую гавань» – в самом центре Петербурга, рядом с крепостью (правда, позднее он был разобран)...

Через полтора года после закладки крепости, 5 ноября 1704 года, состоялась закладка Адмиралтейства на пустынном левом берегу, почти напротив крепости. «Заложили Адмиралтейский дом, – читаем мы «Юрнале» Петра, – и были во остерии и веселились».

Адмиралтейство задумывалось Петром как крупнейшее по тем временам промышленное предприятие – верфь и как крепость, не просто оберегающая невское побережье, но способная своим огнем взаимодействовать с крепостью на Заячьем острове, создавая при входе в Неву непреодолимую огневую преграду. Чертеж Адмиралтейства, исполненный собственноручно Петром и содержащий множество его указаний о размещении мастерских и подсобных помещений, сохранился в архиве. Задумывался грандиозный производственный комплекс, открытый на Неву и окруженный земляными валами, стенами и рвом. Длина его вдоль Невы равнялась 200 сажням (425 м), ширина – 100 сажням.

Петровское Адмиралтейство строилось и совершенствовалось на протяжении долгого времени. Оно стало ядром застройки всего левого берега Невы, получившего название сперва Адмиралтейского острова, а затем Адмиралтейской стороны, части города: она росла и формировалась как единое целое с Адмиралтейством. Его значение не ограничивается ролью крепости и огромной верфи (военные корабли строились здесь до середины XIX века, пока не завершилась эпоха парусного флота) – Адмиралтейство было «мастерской» особого рода. Сюда со всей России присылались (одни на время, другие на «вечное житье») мастера десятков рабочих специальностей, строившие корабли. Здесь формировались отечественные кадры корабелов.

Где бы ни находился царь, какие заботы не одолевали бы его, об Адмиралтействе, его делах и нуждах, присылке рабочих и снабжении всеми припасами для кораблестроения Пётр думал и писал ответственным за эти дела людям постоянно. Находясь в Петербурге, Пётр бывал здесь чаще, чем в каком-либо ином месте, – появлялся здесь и во время закладки и торжественного спуска кораблей, и неожиданно, чтобы проверить ход работ и аккуратность исполнения всех инструкций. Только за два месяца 1714 года – ноябрь и декабрь – царь посетил Адмиралтейство 24 раза; в 1720 году он был здесь 44 раза, с января по август 1721 года – 21 раз...

Но не только строительство кораблей, их вооружение и снабжение, их боевая подготовка и участие в походах заботили Петра. Создание флота – задача, включающая множество элементов. Комплектование и обучение «матрозов» и обучение «матросских детей» (указ 28 ноября 1717 года), подготовка офицерских кадров для флота, взаимоотношения иностранных и русских «морских служителей», переводы и издание книг по морскому делу (их в царствование Петра вышло в свет более 20), разработка нормативных документов для флота – все эти вопросы находились в поле зрения Петра и решались им. Знаменитый «Устав морской» был создан при непосредственном участии царя; огромный по объему (52 главы) и исчерпывающий по содержанию «Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи», утвержденный 9 апреля

1722 года, создавался при непосредственном участии Петра («Юрнал» отмечает, что только в феврале 1721 года царь 12 раз «слушал регламент Адмиралтейской»).

С 1710 года почти ежегодно Пётр участвовал в летних плаваниях и маневрах флота на Балтике, имея свой флаг на разных кораблях. Так, в 1714 году (год Гангутской победы) плавание продолжилось 4 месяца, в 1719 и 1720 – по 3 месяца, в 1721 году – два с половиной месяца...

А торжественные празднования побед русского флота на Балтике, которые отмечались в Петербурге как самые значительные и памятные события? Все это сближало юный город с юным флотом – они строились одновременно, у них были общий быт и общие правила жизни, общие – для флота и для города – будни, когда работали «до упаду», и праздники, когда «веселились изрядно»...

Особая тема – взаимоотношения царя и мастеров-корабелов, русских и иностранцев, которые были среди ближайших сотрудников Петра и пользовались его уважением и доверием. Документы убедительно рассказывают о личных, человеческих отношениях между «царем-плотником» и его ближайшими помощниками. Это был тесный профессиональный круг, в которых входили и сам царь, готовивший корабельные чертежи и строивший корабли под именем Петра Михайлова, и Федосей Скляев, и Иван Немцов, и Гаврила Меншиков, и Филипп Пальчиков. И иностранцы: Осип Най и Ричард Козенц, Роберт Девенпорт и Ричард Броун. Их сотрудничество – один из первых примеров такого рода в отечественной истории. С них начинается история отечественной технической интеллигенции. И русские мастера, собранные со всей России, исполнители их идей – те, без чьего труда ничего бы не состоялось...

Вот почему наш город с момента своего рождения был и навсегда останется морской столицей страны, столицей Флота Российского.

Спуск корабля

В 1696 году началось новое в России дело строение кораблей. И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил искусство дела того вестъ в народ свой.

Пётр I. Вступление к «Уставу морскому». 1720 год

В январе 1707 года Пётр писал директору Олонецкой верфи Ивану Яковлеву: «Сперва на Олонецком верфу флот зачинался». ... Первые военные корабли для Балтики строились на берегах Свири, но серьезные трудности лишали этот район оснований претендовать на то, чтобы стать главным судостроительным центром. Верфи в Воронеже и Таврове для Балтики оказались бесперспективными, недавняя кораблестроительная горячка здесь кончилась, верфи эти были обречены. На первое место выдвигался Петербург, расположенный на балтийском берегу, в непосредственной близости от театра военных действий.

Вспомним пушкинское уподобление России спущенному на воду кораблю. Кораблестроение, сопровождающееся «стуком топора», стало одним из главных дел нового города, определяющих его рост, развитие, самую его жизнь. Оно началось здесь с первых недель и месяцев его истории.

Еще летом 1703 года, за полтора года до основания Адмиралтейства, на правом берегу Невы, на Городском острове, у протоки, отделявшей Заячий остров, под защитой строящейся крепости, была основана первая в Петербурге верфь, предназначенная для постройки и ремонта небольших морских судов. Позднее, когда рядом возвели Кронверк, верфь эта, как и сама протока, получила название Кронверкской. В июле 1704 года появляется указ о строительстве в Петербурге 34 двухмачтовых бригаantin, а в начале мая вице-адмирал Корнелиус Крюйс сообщает Петру «которой флот в Питербурхе в строении плотничном готов будет, и тогда флоту вон в малое море итти».

Сохранилось немало документов о работе этой верфи: о нехватке плотников и материалов для ремонта кораблей – плотников присылали с Олонецкой верфи; недостаток материалов восполняли, разбирая избы и заборы в городе; после нападения на Кронштадт в начале июля 1705 года шведской эскадры на Кронверкской верфи ремонтировался поврежденный в этом бою фрегат «Нарва»...

Петербургский историк Игорь Богатырев подсчитал, что с 1704 по 1724 год было построено и отремонтировано 137 кораблей, в том числе в 1707 году – 17, в 1719 – 25, в 1724 – 35...

Работали в Петербурге в петровское время и другие верфи: Галерная (на левом берегу Невы, там, где начинается Английская набережная), Партикулярная, на которой строились парусные и гребные суда разных классов по заказам частных лиц (она находилась на берегу Фонтанки, против Летнего сада), Охтенская... Но главной была Адмиралтейская крепость-верфь – огромное промышленное предприятие «градообразующего», как теперь принято говорить, значения (недаром же вся освоенная левобережная часть города называлась «Адмиралтейским островом», «Адмиралтейской стороной») ... Здесь строились только крупные корабли, и в их создании принимали участие тысячи людей десятков специальностей; они собирались со всей России, составляя важную часть населения нового города. Они участвовали в одном огромном общем деле – и могли видеть реальные плоды своего нелегкого труда. И, несмотря на все трудности и невзгоды, гордились своим трудом и его результатами.

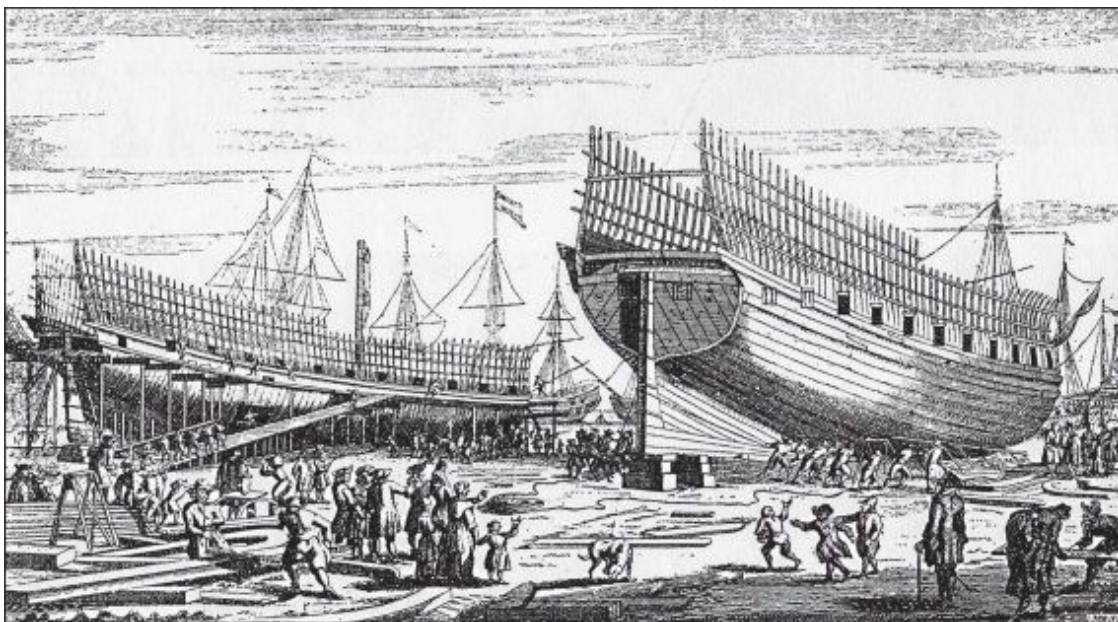
К. Беггров. Адмиралтейская верфь. Литография

О масштабах и общероссийском значении этого гигантского по тем временам промышленного предприятия можно судить по составленной Петром 18 сентября 1718 года «рописи» числа работников, необходимых для строительства семи заложенных в Адмиралтействе кораблей. На 90-пушечный корабль требуется 500 работников разных специальностей, на четыре 80-пушечных – 300, на три 66-пушечных – 700. Всего 2400 человек.

Впрочем, пора уже рассказать о самой церемонии спуска.

Вот что читаем мы в записках Христиана Вебера, ганноверского резидента в Петербурге, о спуске в конце июня 1718 года в Адмиралтействе корабля «Лесное»: «Богатейший военный корабль в 90 пушек, построенный самим Его Величеством и одними русскими мастерами, без пособия иноземцев, спущен был на воду и все дивились отличной работе этого корабля. Он пошел в воду так легко и благополучно, что Его Величество сам махал шляпою и восклицал обычное «Ура!» вместе с возгласами более 20 человек, бывших на борту, и затем позволил пройти на борт корабля всем желающим...»

Подобные рассказы встречаем мы на страницах многих сочинений современников-иностранцев: офицеров, моряков, дипломатов, путешественников. Спуск корабля в Адмиралтействе был всегда важнейшим событием городской жизни и большим праздником – не только для строителей и «морских служителей», но и для всех горожан.

Постройка корабля. С гравюры времен Петра

Накануне спуска о предстоящей церемонии широко, непременно с барабанным боем, оповещалось все петербургское население. В день спуска сигналом собираться на торжество были выстрелы из крепостных орудий; а в самый момент спуска, когда корпус корабля входил в воду, крепость приветствовала его 13 пушечными выстрелами – это был торжественный сигнал о рождении новой боевой единицы флота российского.

Иногда спуск корабля сопровождался обстоятельствами особенными. Так, при спуске 80-пушечного трехпалубного корабля «Фридемакер» 5 марта 1721 года пришлось специально разбивать лед на Неве против Адмиралтейства; а после спуска состоялся «маскарад», в котором участвовали, как говорится в документе, «восемь «маленьких матросов»... Огромный корабль «Лесное» («трудов Его Величества» и корабельного мастера Федосея Склаева) был спущен 29 июня 1718 года – через два дня после смерти царевича Алексея Петровича и накануне его похорон, а год спустя, 28 апреля 1719 года, спускался «Гангут» – через день после похорон любимого сына Петра царевича Петра Петровича... Это свидетельствует не только о некоем «своеобразии» тогдашних нравов, но и о том, что спуск нового корабля представлялся царю «нужнейшим делом», более важным, чем личные беды и несчастья. «Рождение» корабля словно противопоставлялось факту смерти...

Присутствие на церемонии спуска, участие в общем торжестве было для Петра чрезвычайно важным, обязательным. Давая в мае 1707 года указание адмиралу Апраксину о спуске на воду новых бригантин, царь разрешает ему, если позволят обстоятельства, «обождать, дабы и нам причастниками того дела быть». 21 октября 1717 года, возвратившись из-за границы, где он пробыл почти полтора года, и торжественно встреченный в столице, Пётр «по приезде изволил, немного мешкав во дворце, пойти в Адмиралтейство, где довольно по работам изволил ходить, – пишет В. Нащекин, – за ним мастера корабельные, а из Адмиралтейства при самой ночи изволил идти во дворец».

«Юрналы» Петра сообщают о его визитах в Адмиралтейство весьма аккуратно. И вот результаты наших подсчетов этих сведений: в 1715 году Пётр посетил Адмиралтейство 13 раз, в 1714 – 27 раз (в ноябре и декабре по 12 посещений), в 1720 – 44 раза, а в следующем году – 21 раз!.. Это были чаще всего деловые визиты: наблюдение за ходом работ, контроль, решение возникших вопросов...

А церемонии спуска кораблей обычно завершались банкетом: «веселились изрядно» (или «веселились довольно»). И во время банкетов этих Пётр непременно провозглашал тосты за «новорожденный» корабль и за «детей» («сыновей») обер-сервайера Ивана Михайловича Головина – руководителя всех кораблестроительных работ: его «дети» – это и созданные его подчиненными корабли, и сами эти подчиненные, мастера-корабелы, создатели всех этих кораблей, среди которых многие носили славные, победные имена («Полтава», «Лесное», «Гангут», «Нарва» и другие) или имена «со значением», подобно уже упоминавшемуся «Фридемакеру» (миротворцу)...

С корабелями Петра связывали особые отношения. Они были не просто мастерами, специалистами, они были соратниками царя по важнейшему общему делу, неперенными членами его ближайшего не только делового, но и личного окружения. Многочисленные письма Петра к ним, уважительное обращение, многократные частые визиты в дом красноречиво свидетельствуют об этом.

Следует отметить, что кораблестроение было одной из тех областей, где русские и иностранные специалисты трудились в теснейшем сотрудничестве. Между опытными иностранцами Ричардом Козенцем, Ричардом Брауном, Осипом Наем, Робертом Девенпортом и русскими мастерами Феодосием Складневым, Иваном Немцовым, Гаврилой Меншиковым Пётр не делал различий. Гаврила Меншиков участвовал в «Великом посольстве» в Европу (из которого Пётр привез в Россию мастера Осипа Наю), потом долгие годы был учеником у корабельных мастеров, а сам получил высокое звание лишь в 1726 году. Филипп Пальчиков вышел из матросов, учился в Голландии, а потом 14 лет трудился «корабельным подмастерьем» и, как говорит документ, «в сем художестве обретался от начала радетельно, в оном градус по градусу всходил»...

Кораблестроение – одна из самых «энциклопедических» отраслей техники: в нем слились, сплывались ремесло (десятки разных ремесел), наука (множество ее областей) и искусство. Замечательно сказал в 1716 году о кораблях Феофан Прокопович: «Сии ковчего, сии крылаты и бег пространный любящие палаты», которым нужно «место и поле, течения их подбающее». Пётр владел и ремеслом (царь-плотник), и наукой кораблестроения, и искусством. «Царь, как говорят, знает это дело едва ли не лучше всех русских», – читаем мы в дневнике Берхгольца. В Российском государственном архиве древних актов в Москве в огромном документальном фонде «Кабинета Петра Великого» хранится 50-й том, весь состоящий из собственноручных кораблестроительных чертежей и рисунков Петра. Рассматривая в конце 1710 года чертежи, выполненные мастерами Наем и Козенцем, царь замечает: «Кажется, оные в двух местах исправления требуют... к носу остры... и то в стоянии на якоре недобро, ибо, не имея довольной толстоты наперед, корабль ныряет в воду». В мае 1721 года, будучи в Риге, Пётр «рисовал корабль линейной в 90 пушек», записи об этом сделаны в «Юрнале» 28,29,30 мая, 2,4 и 6 июня... В марте 1723 года обер-полицеймейстер Антон Девиер пишет Александру Меншикову, что царь «ныне тому дней с пять изволит ездить в Адмиралтейство в модель-камору и рисовать корабль пропорцією свыше 100 пушек».

Нет, не «царь-плотник» он был, а царь-инженер, технически хорошо подготовленный, системно мыслящий, видящий будущее творение не фрагментарно, не отдельными частями и узлами, а в целом. Корабль был для него подобен живому существу – и относился он к каждому кораблю российского флота как к живому организму, сложному, в чем-то капризному, но прекрасному.

Крупнейший историк русского флота Феодосий Веселаго еще 125 лет назад опубликовал итоги своего подсчета числа кораблей, сооруженных при Петре. Всего – 895, из них построенных в Петербурге – 541. В их числе 52 крупных корабля и 489 малых (галеры, бригантины и пр.). Количество заложенных и спущенных на воду кораблей по годам очень различно: закладывалось от 8 (1716 год) и 7 (1721 год) до 1 (1717 год), а спускалось от 5 (1719 год) и 4 (1713,

1714, 1720, 1721 и 1724 годы) до 1 небольшого (в 1716 году). Сроки строительства от закладки до спуска колебались от 1 года 5 месяцев до 5,5 лет; средний же срок (по 30 позициям) составлял 3 года 3 месяца. Таковы наши подсчеты.

Следует отметить, что были случаи сооружения «серии» однотипных кораблей. И у каждого из построенных кораблей – своя биография, своя боевая история, своя судьба. К сожалению, уже к середине XVIII века почти все они обветшали настолько, что оказались списанными, обреченными на смерть и были разобраны. Сохранились только их модели, изображения в гравюрах и множество документов об их биографии. История их не только увлекательна и разнообразна (иногда печальна, даже трагична), но внушает гордость за них. И за город, где они были задуманы и построены руками простых русских мастеров. И за наше Адмиралтейство...

В заключении, еще один рассказ о спуске корабля, извлеченный из дневниковых записей Фридриха Берхгольца за 23 июня 1723 года, когда в Адмиралтействе спускался 36-пушечный фрегат. «Мы отправились в Адмиралтейство и на корабль, который был уже совсем готов к спуску. По приезде императора фрегат освятили... После этой церемонии приступили к окончательным работам, и корабль еще до 6-ти часов благополучно сошел на воду... Он на сей раз был спущен кормою. Вероятно, это новый способ, придуманный кораблестроителем. Когда корабль отошел от берега, брошен был якорь, отчего он развернулся носом. И все наперебой спешили поздравить на нем его величество с благополучным спуском...» Столица флота отмечала рождение еще одного своего «сына».

Новый город для нового времени

Этот день и происходившие в нем события никогда, ни разу не отмечались и даже не вспоминались в нашем городе за все три с лишним века его существования. Нам даже неизвестно, было ли это событие связано с какой-то официальной церемонией, или прошло совершенно незамеченным (подобно тому, как незамеченной осталась происходившая ровно за 45 дней до этого скромная церемония закладки крепости на Заячьем острове). Но совершенно бесспорно, что именно 29 июня 1703 года (по современному календарю – 10 июля) крепость и будущий город рядом с ней получили свое имя. Имя города – не только обозначение его места на карте; оно и своеобразный прогноз его истории, и «заявка» на ту роль, на то место в жизнь страны, которое этот город мог бы занимать. Бывают похожие названия городов, но редко бывают похожими их судьбы – любой город всегда своеобразен, самобытен, уникален.

Вряд ли у Петербурга найдутся в мире соперники. Уже не говоря о том, что город трижды менял свое название, он самобытен с первого дня. Расположенный на архипелаге из нескольких десятков островов в невской дельте, среди невыразительного, однообразного ландшафта, на низменной плоскости, город был заложен не только дни войны, охватившей этот край, но буквально на переднем крае боевых действий, в ходе проведения широко задуманной военной операции. Он располагался в малонаселенной местности, которая издавна была пограничной между двумя могучими соседними государствами – Россией и Швецией. Он нес на себе с первых своих дней нелегкий груз сомнений и поисков, связанных с тем, что Россия веками не могла окончательно определиться, к какой цивилизации, в какую сторону ее «тянут» и история, и природа – на Запад, к Европе, или на Восток, к Азии. А Петербург возник не только у морского берега, но в том меридиональном поясе, в котором находятся и многие другие исторические и энергетические центры континента.

И вся дальнейшая история Петербурга насыщена событиями и размышлениями, смысл которых – в том сложнейшем процессе самоидентификации, не только под знаком, но и в поисках которого происходило историческое движение той эпохи, которую мы не случайно называем «петербургской» (иногда «императорской» или «имперской») эпохой нашей национальной истории. Именно в этот период на протяжении XVIII–XIX столетий напряженно шел сложнейший и важнейший процесс самоутверждения России в ее национальной самобытности и национальном достоинстве – процесс, во главе которого неизменно находился Петербург. И не только как столица империи, но и как символ, знак, главный носитель смысла и суть этого процесса.

Мы обычно отмечаем день рождения нашего города в конце мая. Традиция эта возникла в начале XIX века, через два года после вступления на престол Александра I – в то время, которое Пушкин позднее обозначил как «дней Александровых прекрасное начало». Российскому императору нужно было утвердить свой престиж в глазах Европы, нужен был повод для пропаганды своих либеральных мечтаний и идеи всеевропейского величия России. Столетие Петербурга (в праздновании которого, кстати, приняли участие несколько стариков-ветеранов, служивших еще в петровской армии) было для этого пропагандистского натиска на Европу прекрасным поводом.

(Нередки укоризны историков в адрес императрицы Елизаветы Петровны за то, что она никак не отметила первый, пятидесятилетний, юбилей своего родного города и своей столицы; более того, и сама императрица, и весь двор с осени 1752 до весны 1754 года находились в Москве... Однако обвинения эти не совсем справедливы: ведь именно в юбилейный год императрица из Москвы шлет начальствующему в Петербурге генералу Фермору указ о срочном проектировании «обер-архитектором де Растрелием» нового, четвертого по счету, донныне существующего Зимнего дворца.)

Очень жаль, что мы редко видим в основании Петербурга тот громадный, всеевропейского значения факт, что наш город – ровесник XVIII века, что с основания Петербурга начинается отсчет своей истории это «столетье безумно и мудро» (Александр Радищев) – век могучего прорыва, век Просвещения. Пройдя насквозь, «ворвавшись» в европейское политическое и культурное пространство, буквально пронзив его, Петербург стал носителем и передовых идей, и выдающихся культурных достижений, и мучительных, часто безвыходных противоречий этого нового времени. Слишком велик был объем накопленного к этому времени реального знания о мире, слишком значительными – философские постижения и технологические достижения, чтобы именно XVIII веку пришлось в них разбираться. Англичанин Ньютон и его законы классической механики, француз Декарт с его философскими обобщениями и немец Лейбниц с новыми методами математического анализа сформулировали те фундаментальные основы человеческого знания, на которых до сегодняшнего дня базируется современная наука. Восемнадцатый век не только обозначил роль человека в обществе и людского сообщества в государстве, но и сформулировал основные принципы гуманизма; он объединил три мира, в которых живет человек: мир природы, мир человеческого духа и рукотворный, вещный мир, создаваемый самим человеком.

Век Просвещения начался основанием Петербурга и превращением еще не существующего, не «состоявшегося» города в столицу огромного Российского государства (ас 1741 года – Российской империи). В том же веке жили и творили Руссо, Вольтер, энциклопедисты и Ломоносовы, а к концу его произошли свержение британского колониального господства в Америке, Декларация независимости и конституция Соединенных Штатов, а немного позднее – Великая Французская буржуазная революция, и также Термидор и Бонапарт.

И все это, как бы далеко, «в стороне» от Петербурга, ни происходило, отражалось в процессе развития нашего города, в формировании его образа и его умонстроения. Чуткость Невской столицы к тому, что определяло момент, всегда была очень высока, и основные события, покорявшие или тревожившие мир, непременно на Петербурге отражались. Лицо города несет явственный отпечаток всех эпох, всех главных достижений и потрясений, пережитых Россией и миром за три последние столетия.

Иначе и быть не могло. Ведь Петербург собирал в своих пределах все лучшие, наиболее яркие, молодые, энергичные, честолюбивые силы России. Город был аккумулятором лучшей части потенциала нации. Те, кто приходил сюда, приносили в столицу вековые традиции народного быта, местной культуры, отношение к миру и людям.

И в то же время шел мощный встречный поток. Из всех стран Европы в Петербург съезжались в огромном количестве представители не только художественной элиты, военные и моряки, но и, как бы сейчас сказали, «представители массовых профессий»: учителя, лекари, ремесленники, купцы.

Петербург находился на стыке важнейших цивилизационных потоков и был предназначен играть роль своеобразного «котла», в котором эти потоки перемешивались и переплавлялись в «продукт», который мы не просто называем феноменом петербургской культуры, но и относим к числу самых выдающихся явлений мирового культурного процесса.

В жизни Петербурга, в его развитии выдающуюся роль всегда играли те, кого мы сегодня несколько свысока называем мигрантами. Приехавшие с разных концов страны и из разных уголков Европы представители самых различных этносов и религий, они строили этот город, сооружали в нем великолепные корабли и огромные заводы, возводили здания и ансамбли, навсегда включенные в разряд мировых архитектурных шедевров, создали и усовершенствовали первоклассные учебные заведения и культурные сокровищницы, формировали то, что мы привыкли с гордостью называть петербургским стилем. Город был с первого своего дня проникнут духом интернационализма, толерантности. Немецкая, Французская, Татарская и другие слободы, поселки, обжитые выходцами из разных местностей России, слободы, заселен-

ные представителями определенной профессии, и тому подобное – такова была изначальная структура молодой столицы, существовавшей как город еще не в реальности, а в мечтах и снах его создателя и в архитектурных проектах.

Да, значительная часть населения переезжала сюда подневольно, по строгим царским указам, часто под конвоем. Но, приехав, люди начинали здесь трудиться, быстро ассимилировались в этом новом для них мире и не пытались навязать ему свои взгляды и правила жизни.

А иностранцев привлекало сюда небывалое и недостижимое нигде больше в пределах «старушки Европы» ощущение простора, воздушности, внутренней свободы. Город строился «на чистом месте», по продуманной, четкой и системной программе, в соответствии с общим замыслом и планом – и это было его главным признаком, самым привлекательным и перспективным. И неповторимым в масштабах всей Европы. Пётр был очень озабочен тем, чтобы будущий город был заселен людьми умелыми и добрыми, настоящими профессионалами, обладающими чувством профессионального достоинства и гордости, людьми «пожиточными» (владеющими имуществом, пожитками). Личное расположение царя именно к людям такого сорта накладывало на город сильнейший отпечаток: здесь формировались замечательные профессиональные (например, корабельные) и культурные «гнезда», где выращивались и собирались «птенцы гнезда Петрова» – чаще всего именно «умельцы», настоящие мастера, истинная «соль» будущей России.

Выбрав западный, европейский вектор развития страны (при сохранении интереса к азиатским проблемам и влияниям), Пётр жестко и даже жестоко боролся против традиционного московского консерватизма, против политики самоизоляции от окружающего мира, против подозрительности и недоверия ко всем «инаким». Понимая, насколько Россия отстала от передовых европейских стран, что догнать их невозможно как без помощи с их стороны, так и без создания собственных национальных кадров, Пётр отлично осознавал, что решение грандиозных задач «вхождения в европейское пространство» сводится в конечном счете к реформам в области образования и культуры. Именно поэтому царь избирает генеральным направлением, главной перспективой, стратегической установкой для своей новой столицы вопросы культуры. Культура становится доминантной гранью всей программы развития Петербурга. Основой идеи развития этого города. К сожалению, мы и сейчас не очень задумываемся об этом и не очень четко представляем себе, в каком массиве культурных ценностей, задач и достижений лежит будущее нашего города.

Новый город не просто находился в зависимости от нового времени, выражал его. Обращенный в будущее, он не развивался стихийно, его программа рассчитывалась надолго вперед. Мне не хотелось бы упреков читателя в злоупотреблении суперсовременных терминов, но я глубоко убежден, что строительство Петербурга, его замысел и программу, динамику его развития можно смело назвать первым в истории России национальным проектом, успешно осуществленным для блага не только нашей страны, но и мира. Последнюю строку пушкинской поэмы «Полтава» о Петре Великом, воздвигнувшем «огромный памятник себе», я всегда воспринимал как выражение восторга перед русским народом, в истории которого создание Петербурга было одним из величайших подвигов.

В таком ключе «крещение» Петербурга воспринимается как факт более значительный, чем скромная, немногочисленная, проходившая как-то буднично (и к тому же в отсутствии Петра), очень кратко и сухо изложенная в немногочисленных документах церемония закладки крепости на Заячьем острове. Там была заложена только крепость, а состоявшееся ровно полтора месяца спустя «крещение» нового города означало его рождение.

На Городском острове

*О! Прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе пристальный видим ныне!*
В. Тредиаковский. 1752 год

Весной 1713 года Петербург вступил во второе десятилетие своей истории. От этого времени до нас дошло несколько отзывов о юном городе на Неве, принадлежащих приезжавшим сюда иностранцам. Анонимный автор «Описания Петербурга 1710 года», датский посланник Юст Юль, немец Вебер, швед Эренмальм, шотландский офицер Брюс – военные, дипломаты, публицисты. Их отзывы о городе как таковом далеки от восторга. Например, Вебер в феврале 1714 года записал: «Вместо воображаемого мною порядочного города, я нашел тогда кучу сдвинутых друг к другу селений, похожих на селения американских колоний...»

Но при этом нельзя не отметить общую тональность даже таких негативных оценок: их авторы – все без исключения – не могут, да и не пытаются скрыть своего удивления ни видом города, еще не получившего сложившегося образа, ни самим фактом появления такого города за столь короткое время на столь неудобном месте, как архипелаг островов, образованных дельтой реки – по воле одного человека.

«Непостижимо, – запишет 2 августа 1721 года в своем дневнике Фридрих-Вильгельм Берхгольц, – как царь, несмотря на трудную и продолжительную войну, мог в столь короткое время построить Петербург,... и так много увеселительных замков и дворцов, не говоря уже о каналах...»

Десятилетний Петербург уже был столицей огромной России, но еще не стал городом в полном смысле этого слова. Дворцы «изрядной», но лишенной изощренности архитектуры, отнюдь не поражающие своими размерами, прекрасные сады соседствовали с небольшими деревянными избами традиционного для русской жилой архитектуры типа, с мазанковыми постройками, в которых располагались даже правительственные учреждения. Лишь 4 апреля 1714 года появился царский указ, строго предписывавший на Городском (Санкт-Петербургском острове – нынешней Петроградской стороне), на Адмиралтейском острове и на набережных строить не деревянные дома, а только мазанки и каменные здания.

Петербург был разбросанным по большой территории, деревянным, неблагоустроенным, очень пожароопасным. Да и тех, кого мы привыкли называть «коренным населением», здесь еще не появилось: все жители были пришлыми, «мигрантами»; одни приехали сюда по своей воле, ради интересов и успеха своего дела, своего промысла, другие – по царскому приказу, под солдатским конвоем, на время или «на вечное житье»...

Но, как бы то ни было, Петербург в эти годы быстро рос и энергично застраивался. Население его сосредоточилось в нескольких районах, ставших историческими «ядрами» города: Городской остров, Адмиралтейский остров (на левом берегу Невы, между Невой и Мойкой), Московская сторона в районе дороги на Новгород и Москву, Выборгская сторона, Острова – Васильевский, Крестовский, Каменный, Мишин (Елагин), Петровский – находились в частном владении Меншикова, царевны Наталии Алексеевны, вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны, канцлера Головкина...

Основная часть петербургского населения была сосредоточена на Городском (прежде Фомина, потом Березовом) острове, позднее получившем название Санкт-Петербургского или просто Петербургского острова. Архитектор Трезини в своей «записке» февраля 1724 года отмечает, что «строение партикулярных людей (частных лиц) на Санкт-Петербургском острове началось еще в 1704 году», когда городу был всего лишь один год «от роду».

Здесь были и порт, и первый в городе храм (Троицкая церковь), и первая городская площадь (Троицкая), и первый Гостиный двор, и первые улицы и кварталы более или менее регулярной застройки. Сюда с разных концов страны приезжали новые люди, привозя свои привычки, свой бытовой уклад, свое профессиональное мастерство, свои представления о жизни. И остров стал в эти годы как бы эпицентром всей российской жизни – она отличалась энергией, динамизмом, подвижностью.

Через полвека первый историк Петербурга Андрей Богданов напишет, что в те годы «сей царствующий град, будучи еще в юных своих летах, пал, некрасив, грязен, нерегулярен был...» О том, что представлял собой Городской остров, нам дают достаточно полное представление два документа-ровесника.

Летом 1714 года военный инженер Лепинас исполнил рукописный план Городского острова – самый ранний из дошедших до нас. На плане – именно населенная, «городская» часть острова, крепость и кронверк показаны лишь условно. Почти лишена нагрузки и та часть чертежа, на которой изображена середина острова, – но берега Невы и Большой Невки и прилегающие к ним, к Троицкой площади и к кронверку места показаны густо заселенными: 112 строений на Городском и 12 на Аптекарском островах, из них 90 по берегам рек.

Чертежу Лепинаса предшествует другой, гораздо более полный и важный для нас документ – первая перепись дворов Городского острова и их владельцев, составленная в декабре 1713 года.

К этому времени на острове стояло только одно каменное здание – сооруженный в 1710 году дом канцлера Гаврила Головкина. Остальные дома и дворовые строения – деревянные и, следовательно, пожароопасные. Деревянный Петербург жестоко страдал от пожаров, и установление правил пожарной безопасности и контроль их соблюдения были «задачей номер один». И прежде всего требовалось точно учесть все очаги – печи в домах, в «кухарных» и «людских избах», в кузницах и разных мастерских.

Именно с этой целью 8 декабря 1713 года генерал-губернатор Петербурга князи Александр Меншиков распорядился «на Санкт-Петербургском острове переписать дворы и солдатские избы и за ними все, что есть и что в каждом дворе изб и бань, и поварен, и всякого строения». Поручили это подьячим Городской канцелярии (которая, как и Военная и Гарнизонная канцелярии, находилась тут же, на Городском острове) Якову Семенову, Алексею Маркову и Андрею Уланову. Между ними распределили три крупных участка городской застройки на острове: нынешние Петровская и Петроградская набережные с кварталами, расположенными за ними, участок от Кронверка на север и район от кронверка на запад, по набережным Невы и Малой Невы до Петровского острова.

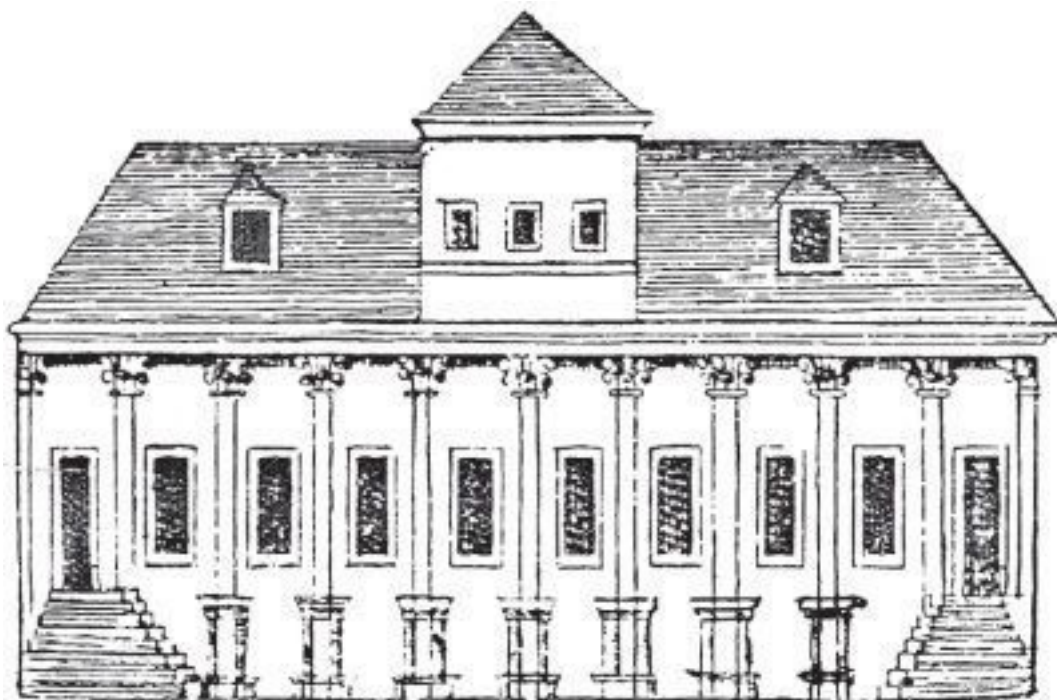
Ф.А. Васильев. Троицкая площадь на Городовом острове. 1719 год

Перепись провели в короткий срок, а итоговый документ получился весьма обширным. Мы попытаемся обобщить его содержание, объединив встречающиеся в разных частях переписи интересные сведения и детали и произведя самостоятельный итоговый подсчет. Что же нашли в разных дворах и включили в перепись проводившие ее городские чиновники? Каждое владение ограждено забором с «воротами створчатыми» – иногда и вторыми, выходящими на заднюю улицу. Часто встречается «изба приворотная: обширные участки нередко разделяются на «передний» и «задний» дворы, причем на заднем дворе часто располагаются огороды и «хлевы скотные с амшанником для скота».

Жилые помещения также разнообразны: «светлицы» (их может быть очень много – до 14–17) подразделяются на теплые, с сенями, и холодные, летние. Встречаются светлицы на «жилом подклете» (полуподвале) и «светлицы отхожие (отдельно стоящие) с печью». Персонал, обслуга обычно живет в отдельных «людских» избах («черная изба людская»).

Чрезвычайно разнообразны те служебные и бытовые помещения, что встречаются на разных дворах: «мыльня с чердаком» или баня с предбанником, кладовые сараи и чуланы, «кухарни» («черная стряпушная изба»), погреба с напогребицей и ледники, хлебни и «избы судовые». А рядом – конюшня с сенником, каретный сарай, кузницы с угольными сараями и мастерские избы. Набор этих служб на каждом дворе разный в зависимости от ряда занятий и имущественного положения владельца или его социального статуса.

Всего в перепись включено 980 дворов, не считая солдатских казарм и «госпитальных изб». Наиболее «элитный» район – набережные и соседние с ними улицы, не случайно названные Дворянскими (нынешние улицы Куйбышева и Мичуринская). Здесь несколько десятков владений. Среди них «первоначальный дворец» царя («Домик Петра») и его ближайших сподвижников: коменданта Романа Брюса и его брата, знаменитого Якоба Брюса, начальника российской артиллерии, дипломатов Головкина и Шафиров (Меншиков к этому времени уже переехал в свой дворец на Васильевском острове), Никиты Зотова и Стесешневых, адмирала Апраксина, князей Шербатого и Черкасского. Здесь проживали министры и генералы, 29 князей, графов и придворных высших рангов, 20 высокопоставленных чиновников, офицеры гвардейских полков – и всего один «пушкарь» и один «посадский человек».

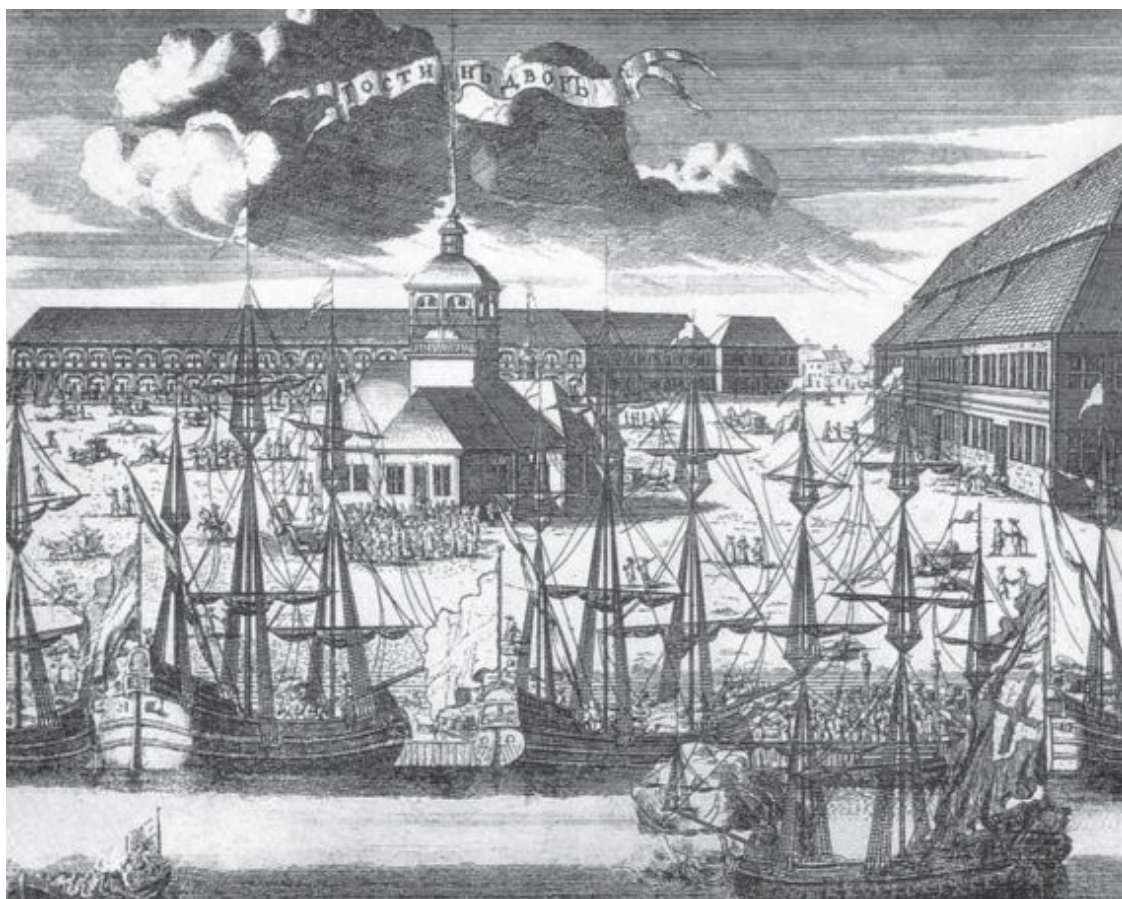
Брюсов дом

Гораздо разнообразнее население второго участка. Здесь, в районе Посадских, Монетных, Ружейных улиц находятся 19 мазанок Посольского двора, Гостиный двор, Малый и Новый («Сытный») рынки, таможня и купеческая биржа. Среди населения мы встречаем царского секретаря Алексея Макарова, прославленного генерала Михаила Голицына, новгородского купца Ивана Посошкова (он позднее прославится своим сочинением «Книга о скудости и богатстве»), сенатора Григория Волконского, коменданта полковника Михаила Чемесова, главу Оружейной канцелярии и типографии Михаила Аврамова. Здесь живут и видные чиновники дьяки – Анисим Щукин и Лука Тареуков. Все это – люди, игравшие в тогдашней России первые роли.

Среди владельцев домов в этой части Городского острова знаменитые граверы петровского времени Алексей Зубов, Гендрик Дебит и Алексей Ростовцев. Тут же и первый двор царевича Алексея Петровича и его учителя Никифора Вяземского. И часовщик Троицкого собора, и знаменитый строительный подрядчик Семен Крюков, именем которого назван канал. Значительную часть населения этого участка составляли военные: 49 генералов и офицеров и 59 дворов, принадлежавших унтер-офицерам, солдатам и отставным. Чиновников было 60, иноземцев-мастеров – 23, посадских людей – ремесленников, торговцев – 87; отсюда и названия Посадских улиц – Большой и Малой...

В переписи указаны не только имена и фамилии, прозвища этих людей, но и что особенно интересно, – места, откуда они приехали в новую столицу. И представлена большая часть Европейской России, Петербург уже в это время собирал на невских берегах выходцев из многих регионов страны. 20 москвичей и 21 петербуржец, шестеро приезжих из Ростова Великого и столько же из Старой Ладogi, осташковцы и ярославцы, посадские люди из Вологды и Костромы, Рязани, со Старой Руссы, из Пскова и Зарайска, Белева и Великих Лук... Особую категорию населения этой части острова составляли переведенные из Москвы мастера Оружейной палаты – 57 мастеров-оружейников разных специальностей и 7 живописцев. Интересно, что здесь же проживали и 57 крестьян, включенных в перепись в качестве владельцев собственных дворов.

Третий участок Городского острова имел очень специфическое население. Именно здесь находились полковые слободы – помимо казарм, в которых проживала основная масса солдат, еще 50 офицеров и 140 унтер-офицеров и солдат владели собственными дворами. Здесь же мы встречаем почти 60 чиновников «средней» и «молодой руки», 27 пушкарей. Особая категория – 95 каменщиков – «переведенцев»: их мы не найдем ни в какой иной части острова. Особую категорию петербургского населения этой поры составляли иноземцы. Помимо живших в Немецкой и Французской слободах мастеров и купцов на Городском острове находились дворы 28 иноземных мастеров разных специальностей и 50 «шведских арестантов» – пленных шведов, получивших право жить в столице в «свободном режиме». Если в первой, «элитной» части Городского острова перепись указывает всего 63 владения, то во второй их уже 430, а в третьей – 487.

Гостиный двор. Клеймо гравюры А.Ф. Зубова «Панорама Петербурга». 1716 год

А проведенная уже через год, в ноябре-декабре 1714 года, новая перепись сообщает, что «на Санкт-петербургском острове 17 улиц, в них 1605 дворов», в которых проживают 4042 человека. А в 1717 году здесь уже 1779 дворов, но население Адмиралтейского острова растет быстрее – здесь 1727 дворов (из общего числа 5075 владений в городе). Образуются новые районы, претендующие на роль городского центра (Васильевский остров, потом Адмиралтейская сторона), – и роль Городского острова в жизни города, столь большая в первое десятилетие, заметно снижается. В градостроительных планах Петра и его архитекторов Городской остров занимает более чем скромное место...

И все же Петербург начинался как город именно отсюда, с невского правобережья – с этой частью города связаны и первые трудные годы становления новой столицы, и имена многих замечательных людей той поры.

«Канцелярия от строений»

У царя нет недостатка ни в хороших мастерах-строителях, ни в рабочих людях всякого рода, ни в потребных для возведения разных зданий материалах...

Х. – Ф. Вебер. 1716 год

Петровский Петербург был новым городом не только по возрасту своему, но и по новизне градостроительной идеи. Он был задуман не в подражание какому-то уже существующему европейскому городу (Амстердаму, например, или Венеции – распространенное, к сожалению, мнение об этих «образцах» основано на некоторых приметах чисто внешнего сходства) и строился по-новому. Величайшее достоинство архитектуры – ее связь с ландшафтом, слитность с природным окружением – в Петербурге представлена с поразительным совершенством. Оно проходит через всю историю нашего города – через все эпохи, стили и ломки.

Давно уже сложилось мнение, что Пётр – едва ли не единственный создатель этого удивительного города. Зачинатель – да. «Генератор» градостроительной идеи – да. Автор особой «кадровой политики» на всех уровнях: верхнем (архитекторы), среднем (мастера различных специальностей) и нижнем (рабочие-строители) – да. И в этом смысле он может быть назван «первым главным архитектором» Петербурга.

Но рядом с Петром («рядом» в буквальном смысле слова – настолько тесными и регулярными были связи его с ними) находился обширный круг людей, которые, улавливая указания и намеки царя, иногда поспешные и не очень определенные, придавали им профессиональное воплощение. Именно их – от архитектора до простого «рабочего человека», пригнанного сюда за тридевять земель, – профессионализм был в представлении Петра главным критерием (вплоть до определения жалования, размер которого очень сильно различался) отношения к этим людям, доверия к ним.

В петровском Петербурге не просто интенсивно строились отдельные здания, здесь сложилась особая архитектурная школа, сформировался особый архитектурный стиль, получивший название «петровского барокко», он не был «изобретен», придуман – он сложился естественно, органично, как итог осмысления, освоения и самобытного российского зодчества, и достижений европейской архитектуры. Недаром, вероятно, при Петре трижды издавался (в 1709, 1712 и 1722 годы) классический труд Джакомо Вильолы «Правило о пяти членах архитектуры»...

Новый город строился «с нуля», его создание требовало не только идей и их исполнителей – архитекторов, мастеров и рабочих-строителей, но совершенно новой организации всей строительной отрасли и строительной практики. Эта задача была осознана в 1710–1712 годы, когда история молодого города вступила в новую фазу.

В российском государственном архиве сохранилась составленная Доменико Трезини в феврале 1724 года записка, в которой перечисляются все основные постройки Петербурга петровского времени. Начало каменного строительства (закладка в мае 1710 года дома графа Головкина на Городском острове и в августе того же года «большого каменного дома светлейшего князя» Александра Меншикова на Васильевском острове) знаменовало новый этап застройки города, до этого сооружавшегося как бы на временной основе.

План Леблона

Число объектов, сооружаемых в Петербурге, росло не только из года в год, но и из месяца в месяц. И в 1712 году создается особое ведомство, Городовая канцелярия, предназначенное выполнять эти работы. Князь Алексей Черкасов возглавил новое ведомство.

Это было уникальное учреждение, практически не имевшее европейских (не говоря о российских) аналогов. Его создание и деятельность – любопытнейшая и поучительная история. В нем соединялись теория и практика, административные и производственные функции. Некое «министерство строительства», существовавшее в начале XVIII века.

Городовая канцелярия ведала всеми русскими и приглашенными по контракту из-за границы архитекторами и мастерами (резчиками, штукатурами, декораторами, художниками и пр.); ей подчинялись и все присылаемые на берега Невы из разных концов России «работные люди». Проектирование отдельных объектов, составление планов (города в целом, как знаменитый план Леблона, созданный в 1716 – январе 1717 года, и отдельных частей города, как план застройки Васильевского острова, составленный Трезини и утвержденный Петром в первый день 1716 года), заготовка строительных материалов, подряды на отдельные строительные работы и, наконец, само строительство множества различных объектов одновременно, таковы были функции Городовой канцелярии – административного, творческого учреждения и одновременно крупнейшего производственного предприятия.

Канцелярия располагалась огромными денежными средствами, ее бюджет составлял 200 тысяч рублей в год. В ее ведении были многочисленные кирпичные заводы, расположенные на берегах Невы, выше города (производительность – несколько миллионов штук в год), и заводы по производству извести на берегах реки Сяси в Тосно. Заводы, изготовлявшие изразцы («образцы» на манер голландских) и стекло, также подчинялись Городовой канцелярии.

Я. Челнаков. Первоначальная Петропавловская церковь

Особых забот требовала заготовка лесных материалов для строительства. Основные лесные массивы края были объявлены заповедными, рубка здесь категорически запрещена; лесоматериалы пригонялись издалека (из Казанской губернии, например), для строительства использовались и доски от разобранных барж, на которых в новую столицу доставлялись различные материалы и припасы (чтобы не гонять обратно порожняком – очень интересный способ утилизации транспортных средств: сами корпуса грузовых судов становились стройматери-

алом). Только жжением древесного угля в окрестностях занимались более 2 тысяч «рабочих людей».

Подряды на поставку строительных материалов были огромными: так, в 1721 году заключается подряд на изготовление кузнецами 350 тысяч строительных гвоздей...

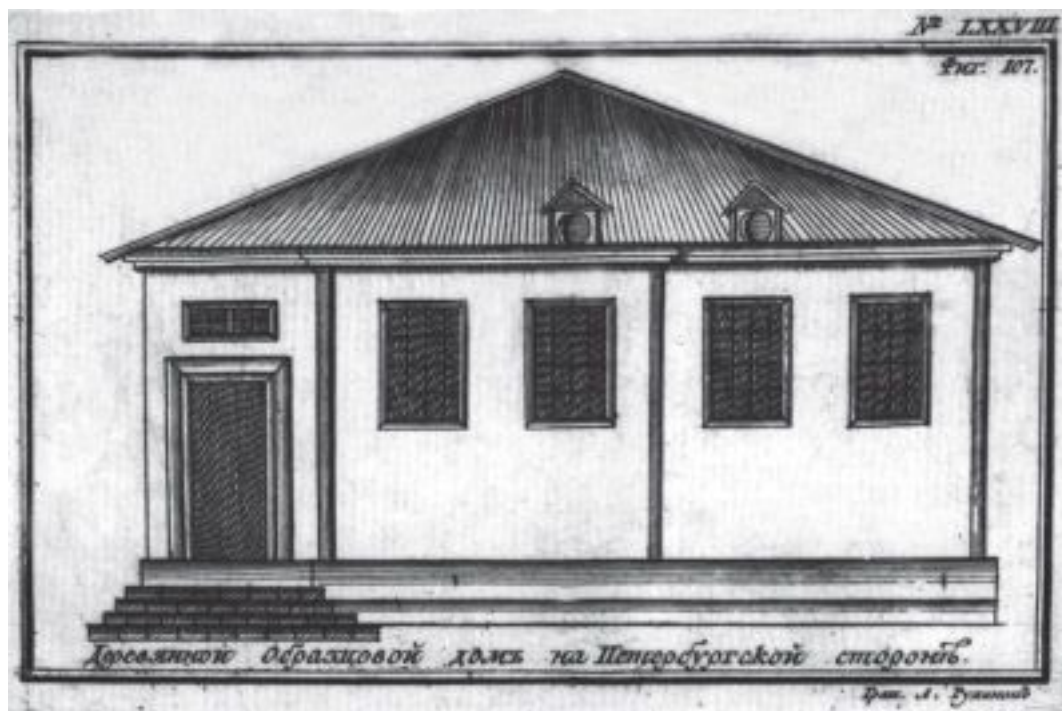
Число объектов, сооружение которых возлагалось на Городскую канцелярию, было очень велико. Причем строили «под ключ». В этом списке – все дошедшие до нас архитектурные комплексы и отдельные здания петровского времени: все царские дворцы в городе и пригородах, здания Двенадцати коллегий и Кунсткамеры, Петропавловский собор и Конюшенный двор, сухопутный и морской госпитали на Выборгской стороне и Исаакиевская церковь, стоявшая на том месте, где сейчас «Медный всадник», огромный «Гостин двор» на Васильевском острове, на берегу Малой Невы, и каменный пороховой погреб на острове Малой Невы, напротив Гостиного двора. И сооружение в 1723 году «комедианского дома». И строительство частных домов для петровских вельмож – отпуск материалов из казенных запасов и сами строительные работы осуществлялись Городовой канцелярией в виде платных услуг.

Особенно интересна практика создания для «обывательского» строительства в Петербурге домов по «типовым проектам» (их называли «образцовые дома» или «манерные дома»). В мае 1717 года Пётр из-за границы прислал «чертеж, по которому всем, на реку строящемуся, строить таковым образом»... Архитекторы Леблон, Трезини, Гербель составили проекты таких домов для разных социальных групп – от «именитых» до «подлых» (слово означало человека, платящего подати).

Дом «для именитых», например, был двухэтажным на подвале, в семь окон по фасаду, с высоким крыльцом, балконом над ним и мезонином; подробный рисунок фасада дополнялся планами расположения внутренних помещений в обоих этажах.

Планы «образцовых домов», гравированные и тиражированные, продавались всем желающим по 25 копеек за оттиск гравюры.

А. Рудаков. Вверху: Комендантский дом. Внизу: Образцовый дом на Петербургской стороне

В записке Д. Трезини говорится, что в 1716 году на Васильевском острове начат «под регулярное строение отвод места партикулярным людям по берегу реки Невы» и что «строится зачали того ж году каменное строение в июле»; в документе, датированном маем 1720 года, говорится, что на строительстве «образцового дома» занято 55 рабочих.

Так началась застройка – сперва на Васильевском острове, а позднее в других частях города – кварталов, состоявших из тесно один к другому стоявших однотипных домов; строго зарегулированная застройка этих кварталов определило их название – «колонны» (от итальянского *columnne* и произошла петербургская «Коломна», по поводу именования которой так много было споров...)

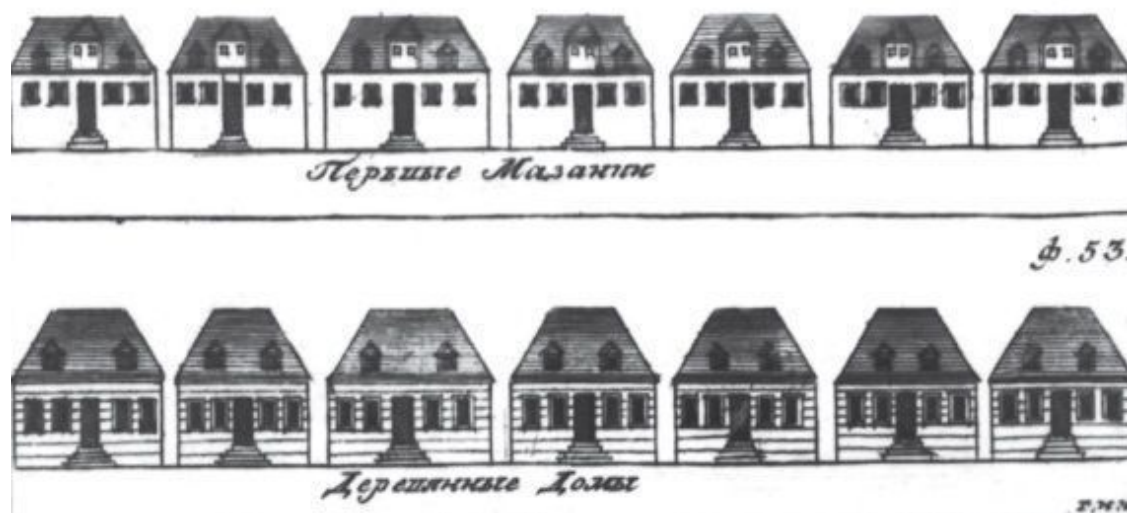
В ведении Городовой канцелярии были не только тысячи «работных людей» со всей России, но и специальное строительное подразделение, названное по имени его начальника «Синявиным батальоном»; насчитывал батальон около 600 человек – постоянные кадры квалифицированных строителей – и дислоцировался на Выборгской стороне, на берегу Большой Невки, между нынешним Сампсониевским и Гренадерским мостами. (Второй подобный батальон, строивший только адмиралтейские объекты, находился под командованием подполковника Михаила Онуфриевича Аничкова...)

В роли начальника батальона, созданного еще в 1709 году, перед нами возникает замечательная фигура одного из близких сподвижников Петра, выдающегося администратора петровского времени Ульяна Акимовича Синявина.

Когда в 1725 году Екатерина I произвела Ульяна Синявина в генерал-майоры, в выданном ему патенте на чин, говорилось: «Он употреблен был к строению крепости Шлиссельбурха, Нарвы, Питербурха и прочих строений, что более касалось до архитектуры милитарис (военной) и ныне по прежнему при тех же крепостях и прочих государственных строениях вышнюю дирекцию и притом несколько полков в команде своей имеет...»

В 1703 году Ульян Синявин – комиссар при ответственных строительных работах, в 1711 году – обер-комиссар, в 1718 году он сменил князя Черкасского на посту руководителя Горо-

довой канцелярии (она с 1723 года стала именоваться «Канцелярией от строений») (блестяще руководил ею до марта 1732 года. Место «директора над строениями» с очень высоким (1000 рублей в год) жалованьем в чиновном, административном, деловом мире молодой столицы было очень заметным и почетным. (Дом Ульяна Синявина был последним, который посетил Пётр накануне того дня, когда слег в смертельной болезни...)

Н. Челнаков. Образцовые мазанковые и деревянные дома

Это удивительная династия – Синявины. Отец, Аким Синявин, в 1700 году был воеводой в сугубо сухопутном городе Волхове, неподалеку от Тулы, но его дети и потомки прославились в российском флоте. Сын Наум (умер в 1738 году) – первый (после Петра) русский человек, дослужившийся до вице-адмиральского звания; сын Иван (умер в 1726 году) был главным командиром Каспийской флотилии; внук Алексей Наумович – адмирал; внук Николай Иванович – вице-адмирал, главный командир Кронштадского порта; правнук Дмитрий Николаевич – прославленный герой морских сражений первой трети XIX века.

Ульян Синявин прославился на другом поприще – гражданском, административном, строительном. Он и его помощники в Канцелярии от строений майор Иван Румянцев и полковник Иван Лутковский сделали очень много не только для застройки новой столицы, но и для создания при их активном непосредственном участии законодательной базы строительства Петербурга.

Весной 1732 года руководство всеми строительными работами в Петербурге передали Дворцовой канцелярии. Ульян Акимович Синявин прожил после этого восемь лет. И еще при его жизни, в 1737 году, было создано новое учреждение, названное Комиссией о Санкт-Петербургском строении. Она многое восприняла от своей предшественницы – Канцелярии от строений. Но это были уже совсем иное учреждение и совсем другая история. О ней рассказ впереди.

Встреча ботика

*Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел на встречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком...*

А. Пушкин. 1835 год

Мы привыкли считать, что старейший памятником в нашем городе – тот, который принято называть «Медным всадником». Это верно, если под памятником понимать только специально созданное скульптурно-архитектурное сооружение – монумент, посвященный определенному событию или персонажу истории, напоминающий о нем.

Но если понимать памятник шире – как любое рукотворное произведение мемориального характера, восстанавливающее в памяти поколений значительные события прошлого, «поворотные пункты истории», ее «звездные часы», – придется признать, что привычное наше мнение подлежит пересмотру. Ведь являются бесспорными памятниками национальной истории и петербургская «Аврора», и находящиеся в норвежском «скансене» нансеновский «Фрам», и корабль викингов, и плот «Кон-Тики»...

И в нашем городе есть такой памятник – петровский ботик, обычно называемый «Дедушкой русского флота». Хотя сегодня он всего лишь – музейный экспонат, что вряд ли справедливо по отношению к его истории.

Пётр придавал ботику особое мемориальное значение, для него это был кораблик особенный, единственный в своем роде; слишком о многом говорил он стране и народу, создававшим свой могучий флот.

Тема увековечения воинских подвигов и побед, боевой славы армии и флота вообще была близка царю, волновала его. Потому-то и сооружаются в молодом городе на Троицкой площади триумфальная арка в честь победы при Гангуте и «перемида четырех фрегатов», посвященная победе флота при Гренгаме в 1720 году. Долгое время царь вынашивал идею сооружения «триумфального столпа», на котором в больших чеканных «медалях» должны быть изображены все крупнейшие события Северной войны – эскизный проект этого памятника находится в Эрмитаже. Но среди всех этих затей (включая и конную статую Петра, исполненную в 1719 году скульптором Карло Растрелли) «Дедушка русского флота» занимал особое место. Он всегда «жил» отдельно – этим подчеркивалась, утверждалась его исключительность, «особость».

Некоторые авторы пишут, что Пётр после своих юношеских «забав» на ботике забыл о нем и вспомнил, лишь случайно увидав его вновь в 1722 году.

Но вряд ли это так: ведь о своей первой «встрече» с ботиком и плаваниях на нем Пётр подробно рассказал в своем вступлении к «Уставу морскому» еще в 1720 году. И новая «встреча» в Москве в начале 1722 года была, вероятно, не случайной... Московский архитектор и художник Иван Зарудный (Заруднев) получает приказание царя оформить специальную «тумбу» – постамент, на котором ботик должен быть торжественно водружен в центре Москвы. «Картины» на «гранях» тумбы изображали морские пейзажи, корабль под парусами и «Ноев ковчег под радугой». А сопровождавшие их надписи были следующие: «Децкая утеха принесла мужеский триумф. От Бога сим токмо получен сей вожделенный вестник». Именно таким и изображен ботик на известной гравюре Ивана Зубова.

В донесении иностранца-очевидца, саксонского резидента, мы читаем: «В сем же 1722 году ботик сей впервые народу выставлен и презентован, того ради... что мир сей его (ботика) нарешиися может»... Впрочем, Христиан Вебер сообщает, что еще в 1716 году ботик, «сохра-

ненный теперь как редкость», был установлен в специально устроенном доме «вместе с глобусом».

Именно тогда, в дни московского празднования Ништадтского мира и родилась у Петра идея перевозки ботика в новую столицу, ближе к флоту и к царскому дому. 29 января сержант Коренев получает указ: «Ехать тебе с ботиком и везь до Шлиссельбурга на ямских подводах и, будучи в дороге, смотреть прилежно, чтоб его не испортить... того ради ехать днем, а ночью стоять, и где есть выбоины, спускать потихоньку». Ночевать следовало не в населенных пунктах (из опасения пожаров), а на полях, под постоянным наблюдением. Вместе с Корневым ботик сопровождали капрал, 12 солдат и 2 матроса; на пути следования предписывалось «беречь от всяких случаев», а 16 ямских подвод давать «без всякого медления и отговорок»...

И еще один любопытный документ: указ от 1 февраля об отпуске московского Сытного двора «собственных Его Величества буеров матросу Михаилу Ракову, который ныне посылается с старым ботиком в Санкт-Петербург на сей февраль месяц вина простого по чарке на день».

Путешествие было неспешным, но прошло благополучно. В Шлиссельбурге ботик поставили посреди площади, против церкви, надежно его укрыв...

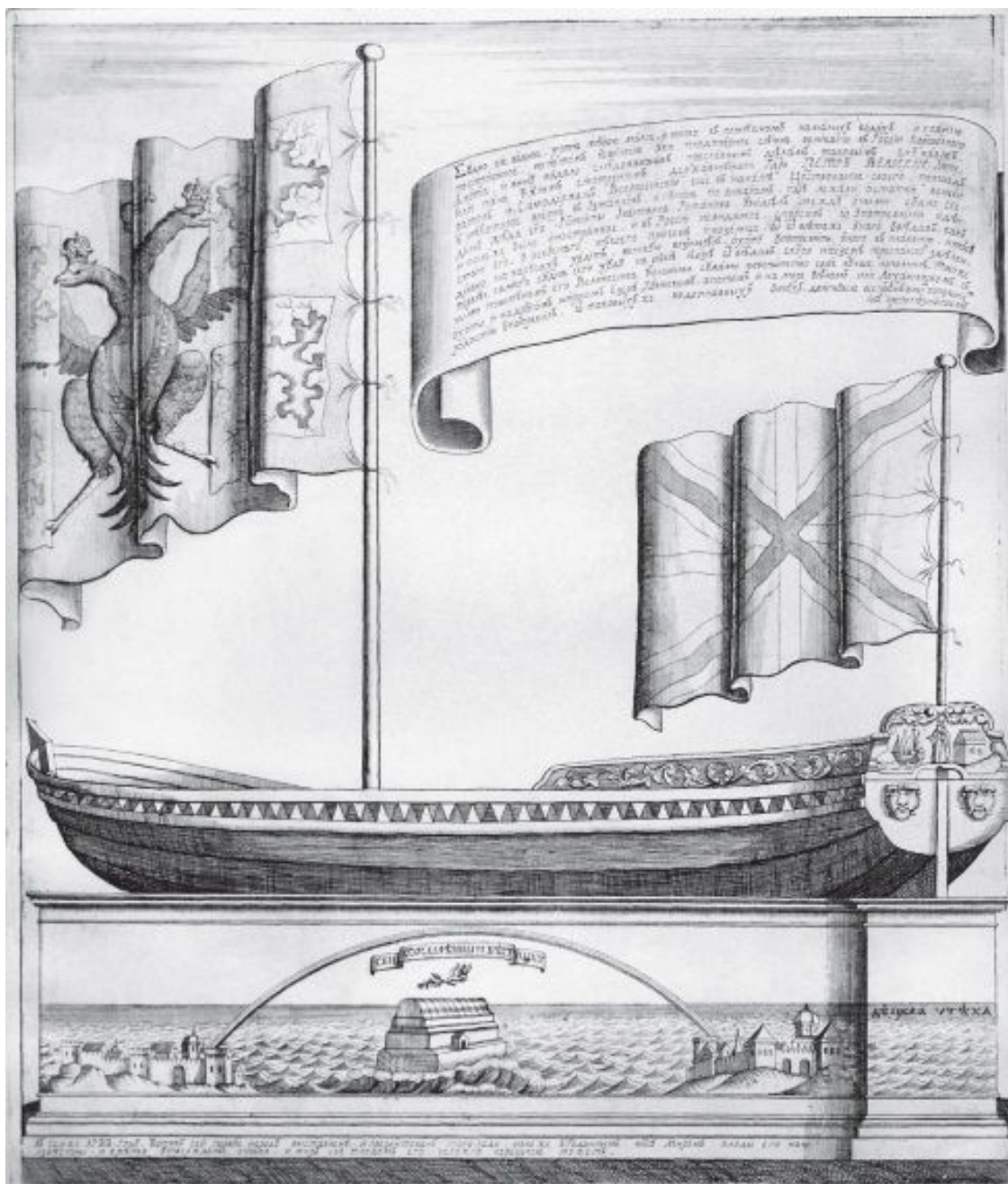
Он невелик, тот старый «Дедушка». Длина его – 6 м (5,7 м по килю), ширина – 1,65 м, вес с веслами, мачтой и рулем – 1286 кг (по данным 1837 года), высота мачты – 6,4 м, высота кормового флажштока – 2,7 м.

Наступил конец мая. Приближалось 30-е, день рождения Петра. Именно на этот день как его главное, торжественное событие и было назначено прибытие ботика в Петербург. Это вообще стало центральным событием всего 1723 года.

26 мая в Адмиралтействе спустили на воду корабль «Св. Михаил», а на следующее утро Пётр отправился в Шлиссельбург навстречу ботику. 29 мая вверх по Неве до Александро-Невского монастыря отправился весь столичный гребной и буерный флот с императрицей, всем генералитетом и министрами. Есть версия, что уклонившихся владельцев «партикулярных» судов царь «за такую знатную вину» велел оштрафовать по 15 рублей каждого!..

Вечером того же дня ботик подошел к монастырской пристани. На нем по Неве от Шлиссельбурга шли сам царь, контр-адмирал Наум Синявин и обер-сервайер (главный кораблестроитель) Иван Головин. Стоявшие вокруг гребные суда приспустили флаги, над водой разнесся грохот орудийных выстрелов, звуки труб и литавр. С ботика отвечали тремя выстрелами из установленных на нем пушечек.

Ночь у монастырской пристани. Почетный караул от Преображенского полка. Петербург готовился к встрече. «Флотилия должна была составлять, – сообщает голландский резидент в Петербурге, – триумфальный конвой для первого мореходного судна, подавшего императору мысль о построении других парусных судов».

Ботик Петра Великого. Левый борт. И.Ф. Зубов по рисунку И.П. Зарудного. 1722 год

И вот наступило долгожданное утро 30 мая. После заутрени в монастыре «новорожденный» (51 год) Пётр на ботике в сопровождении 9 галер и всех встречавших судов двинулся вниз по Неве к Троицкой пристани, где было назначено главное торжество. Когда ботик подошел к тому месту на реке, где ныне Литейный мост, с обеих крепостей раздались два оружейных залпа, а выстроенные на Троицкой площади оба гвардейских полка стреляли «беглым огнем». В тот момент, когда царь на ботике подошел к Троицкой пристани, грянул мощный залп из всех крепостных пушек, а после литургии в Троицкой церкви – еще один... Над Государевым бастионом крепости был поднят штандарт.

А потом сотни приглашенных направились на банкет в «Сенатские покои», находившиеся тут же, на краю площади, близ крепости. На банкете этом Пётр под орудийные салюты с царской яхты провозгласил свои традиционные четыре тоста, из которых третий был в честь

«Дедушки», а заключительный, как всегда на торжествах, связанных с флотом, за «семейство» (детей) Ивана Головина – за построенные и строящиеся под его главным начальством корабли флота российского...

А вечером, в призрачном свете белой ночи, с воды устроили огромный фейерверк. «На реке, – читаем мы в дневнике Ф. Берхгольца, – прямо против Летнего сада на обширных парамах приготовлен был большой фейерверк, и по первоначальному распоряжению положено было в Сенате только обедать, а после обеда танцевать в саду и смотреть оттуда на фейерверк. Фейерверк, как обычно, состоял из множества ракет, водяных и воздушных шаров, огненных колес, но, кроме того, горел еще большой девиз из голубого огня с изображением привезенного в этот день ботика и с надписью «Что от малых причин могут быть большие следствия»...» 3 июня в честь ботика состоялась ассамблея в Летнем саду.

А самого «виновника торжества» перевели в Адмиралтейство, и в тот же день, 2 июня, контр-адмиралу Науму Синякову приказано особо оберегать его, а при опасности (от огня, молнии) «оставляя другую нужду, спускать на воду, чтоб оному какова повреждения не было».

Продолжение торжества состоялось ровно три месяца спустя, в конце августа, ботик вышел из Петербурга в Кронштадт, где его встречал и приветствовал весь Балтийский линейный флот – 20 больших кораблей и один фрегат; на всех этих кораблях насчитывалось более полутора тысяч орудий. Под грохот орудийных залпов с кораблей ботик гордо шел среди огромных кораблей, приветствовавших его; на руле сидел сам царь, на веслах четыре адмирала (Синявин, Сивере, Гордон и Сандерс), князь Меншиков на носу ботика промерял глубину залива, исполняя роль боцмана. Это был единственный в истории случай – ни один корабль не удостоивался такого «торжествования»

30 августа, в день памяти Александра Невского, вторая годовщина заключения Ништадтского мира отмечалась в Петербурге огромным маскарадом, в котором участвовали все «знатные персоны». Ботик шел по Неве в сторону крепости – мимо выведенных на Неву против Троицкой пристани пленных шведских кораблей. За ними шла вся Невская флотилия – несметное множество гребных судов. Они провожали ботик к месту его стоянки – дело в том, что именно в этот день был издан указ о содержании ботика в крепости, в Государевом бастионе, куда его торжественно, с участием Петра, водворили под грохот 21 залпа орудийного салюта. Вечером – иллюминация и «зажжены были во всех домах по окнам свечи».

Ровно через год, в такой же день, 30 августа, ботик снова вывели из крепости – вверх по Неве, к Александро-Невскому монастырю. А через два дня появился указ, предписывающий ежегодно 30 августа выводить «Дедушку» из крепости по Неве к монастырю. Но традиция не утвердилась: умер Петр, и указ его почти не исполнялся.

В начале 60-х годов XVIII века в центре крепости, на обширной площади перед собором – очень почетное место! – по проекту архитектора А. Виста был построен «Ботный дом», новая постоянная «квартира» знаменитого кораблика.

Был он и одним из главных участников юбилейных торжеств, посвященных 100-летию и 200-летию Петербурга.

А вообще «Дедушка русского флота» оказался заядлым путешественником. Из Москвы в Петербург в 1723 году, а через 149 лет – обратно в Москву. В 1872 году в честь двухсотлетия со дня рождения Петра в Москве в течение трех месяцев, с 30 мая по 31 августа, работала грандиозная Всероссийская выставка. И ботик Петра, естественно, был одним из главных ее экспонатов. С невероятной пышностью и торжественностью его провожал почти весь город, ботик был доставлен по Неве из крепости на Путиловскую верфь и здесь погружен на платформу специального, только для него предназначенного, экстренного поезда. 1 сентября он тем же путем возвратился на берег Невы. Когда охраняемый почетным караулом ботик под штандартом проходил (на палубе баржи) мимо Зимнего дворца, крепость салютовала ему 31 залпом, а он отвечал ей тремя выстрелами из своих маленьких пушечек.

Став экспонатом Центрального Военно-морского музея, ботик вместе с другими его ценностями с 1941 по 1946 год находился в эвакуации в Ульяновске. А с 20 января по 10 марта 1997 года он был одним из уникальнейших экспонатов выставки «Салют, Санкт-Петербург», проходившей в Нью-Йорке; это было его первое уже не морское, а океанское «путешествие».

Мне жаль, что этот удивительный памятник нашей истории, переживший столько торжественных, славных чествований, стоит сегодня в огромном музейном зале, теряясь среди окружающих его экспонатов. Все-таки он – один из самых замечательных, уникальных памятников нашей истории. Памятник!.. Вот бы построить ему в подходящем месте в центре нашего города надежный, прозрачный дом. Чтобы город всегда видел его, а он – город...

Ништадтский мир

Надлежит трудитца о пользе и прибытке общем... от чего облегчен будет народ.

Из речи Петра Великого на торжественном праздновании заключения Ништадтского мира. 22 октября 1721 года

К 1719 году военная судьба окончательно склонилась на сторону Петровской России. Некогда могучее шведское государство изнемогало под бременем военных тягот, страна переживала тяжелый военный и политический кризис, обострившийся после гибели от шальной пули короля Карла XII в 1718 году.

Россия же, наоборот, окрепла «в трудах державства и войны», победы на суше и на море упрочили положение страны в Европе, повысили авторитет власти, вызвали подъем патристической гордости. Но при всем этом война ложилась тяжелым бременем на плечи народа и государства – а основные цели войны были достигнуты: Россия стала мировой державой, прочно вошла в европейское политическое и экономическое пространство, получила и закрепила выход к морю, возвратила потерянные до того земли, издавна принадлежавшие Руси.

Окончание войны вышло в первый ряд государственных задач, стало проблемой «номер один». И с 1718 года начинаются затянувшиеся почти на три года очень непростые переговоры о мире, потребовавшие от обеих сторон немалых усилий и высокого дипломатического искусства.

Переговоры эти проходили на фоне военных действий «нового типа». На шведское побережье с кораблей русского флота высаживались десанты, не раз приближавшиеся к Стокгольму и реально угрожавшие ему; победа, одержанная в июле 1720 года при Гренгаме, убедительно демонстрировала российскую мощь на море – и как ни старалась Великобритания, серьезно обеспокоенная утверждением России на Балтике и возможными последствиями этого, ничего, кроме демонстративного крейсерования в водах Восточной Балтики, она предпринять не решилась.

Продолжавшаяся 21 год Северная война подошла к логическому концу. Мирные переговоры, происходившие в небольшом городке Ништадте в Финляндии, активизировались. Россию на этих переговорах представляли один из самых замечательных «птенцов гнезда Петрова» генерал-фельдцейхмейстер (начальник всей российской артиллерии) и президент Берг-и Мануфактур – коллеги Якоб Брюс и тайный советник барон Андрей Остерман. Шведскими уполномоченными были Иоганн Либлингштедт и барон Отто-Рейнгольд Штрёмфельт.

30 августа 1721 года трактат «вечного мира» между Россией и Швецией подписали в Ништадте. Северная война окончилась.

Было постановлено окончить «долгобывшую и вредительную» (в другом месте мирного трактата она характеризуется как «тяжелая и разорительная») войну и «до сего времени бывшему кровопролитию окончание учинить и земле разорительное зло как наискорее прекратить» и установить «между обоими государствами, землями и подданными... истинный, безопасный и постоянный мир и вечно пребывающее дружественное обязательство между обеих стран».

Трактат Ништадтского мира состоял из преамбулы и 24 статей. По нему территория Ингерманландии (Петербург и Санкт-Петербургская губерния, дотоле располагавшиеся на «чужой», не принадлежавшей России земле), часть Карелии с Выборгом и Кексгольмом (нынешний Приозерск). Эстляндия с Ревелем и Лифляндия с Ригой входили в состав России. Занятая в ходе войны русскими войсками часть Финляндии возвращалась Швеции. Между

обеими странами не только восстанавливалась, но и получала широкий размах и существенные льготы традиционная торговля.

Мирный договор, заключенный в Ништадте, был крупным событием в истории не только русско-шведских отношений, но и в мировой истории. Статус России как европейской державы, ее выход в Балтику, ее новая столица на Балтийском берегу были надежно закреплены; значительная территория исконных земель «отич и дедич» возвратилась в состав России.

И никакого злорадства над побежденными, никакого превознесения самих себя и своей победы. И глубокое уважение к мужеству и чести вчерашнего противника...

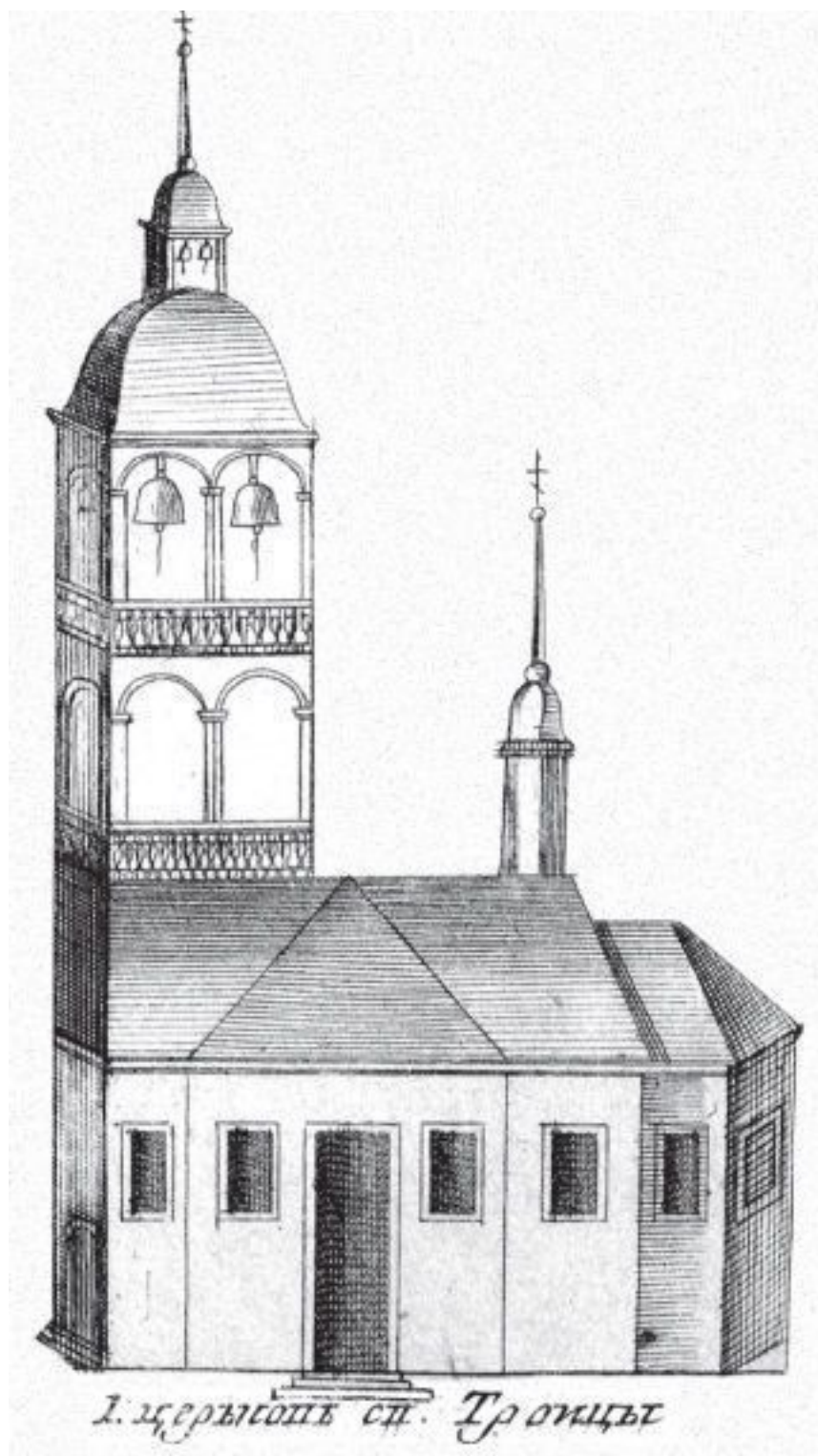
Пётр большую часть 1721 года – в общей сложности 270 дней – провел в Петербурге и рядом с ним; только с середины марта до середины июня он находился в Прибалтике (Нарва, Ревель, Рига). В середине августа царь «гулял по всем каналам», последнюю декаду этого месяца провел в Петергофе, Кронштадте, Дубках. 3 сентября с утра в Кронштадте живописец Иван Никитин писал портрет («персону») царя, потом направились в Дубки – одну из любимых резиденций Петра, находившуюся на окраине нынешнего Сестрорецка на берегу залива – и здесь, в Дубках, царь получил известие о заключении мирного трактата.

Немедленно в Петербург... На следующий день в столице было объявлено о Ништадтском мире и состоялся благодарственный молебен, а с 11 по 17 и с 21 по 26 сентября, две полные недели, в столице происходили нескончаемые маскарады. Петербург торжествовал.

В начале октября Пётр постоянно перемещается: Кронштадт, Петергоф, снова Кронштадт; 2 октября – традиционная, ежегодная в этот день поездка в Шлиссельбург – там отмечается годовщина взятия крепости, а в Петербурге в этот день «для воспоминанья Шлюссельбургского» был дан салют из 21 орудия. Потом царь снова на два дня едет в Кронштадт.

Мы так подробно рассказываем об этом потому, что именно в эти дни произошли в столице события важнейшие.

Отдел редкой книги Российской Национальной библиотеки. За окном садик с памятником Екатерине II. За моей спиной – дверь в знаменитый «кабинет Фауста» – одно из богатейших в мире хранилищ первопечатных книг. В каких-нибудь пятнадцати шагах от стола, за которым я сижу, – огромные шкафы, в которых хранится вся библиотека Вольтера (о ней подробный рассказ впереди). А на моем столе – тонкая книга в переплете с золотым тиснением на корешке и небольшая папка темно-вишневого цвета. А в них – единственные дошедшие до нас экземпляры двух замечательных документов, связанных с торжественными празднованием Ништадтского мира в Петербурге 22 октября 1721 года: «Реляция (как о военной победе), что прежде и при отправлении... торжества о заключении с короною шведскою вечного мира чинилось» и текст речи, которую от имени Сената во время этого торжества произнес в Троицкой церкви 60-летний канцлер граф Гавриил Головкин.

Деревянная Троицкая церковь

В «Реляции» рассказывается, что незадолго до торжественного празднования Ништадтского мира к Петру явились несколько сенаторов и высокопоставленных духовных лиц с просьбой о принятии царем титула Императора и Отца Отечества. И «Его Величество по своей обыкновенной... умеренности того принять долго отказывался и многими явленными резонами от того уклоняться изволил. Но по долгом оных господ сенаторов прошении и предложенным представлениям последи (наконец) склонился».

В один из следующих дней царь, будучи в Сенате, высказал пожелание в честь и память «надежного мира... милосердие к народу своему сказать и Генеральное прощение и отпущение вин во всем своем Государстве (в документе это слово везде написано с заглавной буквы!) явить». Провозглашалась небывалая в истории России амнистия – всем, виновным в «тяжких и других преступлениях», заключенным в тюрьмах, должникам и недоимщикам, «которые по нужде до того времени за скудостью заплатить не могли», и тем арестантам, которые отбывали наказание на галерах и в тюрьмах, которые «против Его Величества собственной высокой особы совершили преступление за то в вечную галерную работу осуждены».

Сенат принял по этому поводу соответствующий указ, а 20 октября Меншиков был отправлен к царю с официальной миссией: «Имянем всего народа Российского просить его о принятии титула Отца Отечества, Императора Петра Великого» – «за отеческое попечение и старание, которое он к благополучию Государства... и особливо во время пришедших шведских войны явить и изволил и Всероссийское Государство в такое сильное и доброе состояние и народ свой в такую славу... чрез единое свое руководство привел»... В письме, обращенном к Петру, сенаторы просили «им позволить в церкви при отправлении торжества чрез сочиненную о том речь... принести».

Фейерверк в честь заключения Ништадтского мира

Эту речь «именем Сената и всего народа» и произнес канцлер Головкин в Троицкой церкви в день торжества.

Торжество началось литургией в храме, вокруг которого на Троицкой площади стояли не только 27 полков в строю, но и тысячные толпы жителей столицы. Небывалая гордая торжественность царя в настроении всех присутствующих, всего Петербурга. На Неве стояли 125 галер.

После литургии был зачитан текст мирного договора, потом архиепископ Феофан Прокопович с церковной кафедры произнес «поучение», в котором прославлял величие и заслуги Петра и утверждал, что царю предлагаемый ему титул «имети подобает». Затем весь состав Сената «приступил к Его Величеству» – и тут Головкин произнес заготовленную речь.

Она коротка, произнесение ее не заняло и пяти минут. Речь заканчивалась троекратным «виват», которое не только провозгласил оратор и все сенаторы, но было подхвачено «от всего народа, как внутрь, так и вне церкви великим и радостным воплем... и при том трубным гласом, литаврами и барабанным боем украшены, а потом пушечную стрельбою с обеих крепостей».

Этот момент и следует, вероятно, считать кульминацией всего торжества – он был моментом рождения нового государства – Российской империи.

Пётр ответил краткой речью, главная мысль которой вынесена в эпиграф этого очерка. Еще он говорил о том, что военные победы и заключение мира – свидетельство Божьего расположения к России, но что, однако, благодаря за это Бога, «надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческою»...

Сенаторы «с поклонами» благодарили царя, затем был отслужен благодарственный молебен, по окончании которого дан салют из всех крепостных и корабельных пушек и из тысяч мушкетов стоявших в строю солдат. Третий грандиозный залп прозвучал в момент выхода Петра и сопровождающих его из церкви на площадь. Здесь царя и царицу поздравляли высокие особы и присутствовавшие на торжестве иностранные послы: французский, цесарский, прусский, польский, датский, мекленбургский и «страны Господ штатов соединенных Нидерландов».

Затем все двинулись к Сенатским палатам, с крыльца которых было объявлено о повышении в чинах офицеров армии и флота, и о награждении Якова Брюса, Андрея Остермана; тут же был оглашен указ об амнистии.

А потом – торжественный обед и бал; на обеде присутствовали тысячи персон – представьте размер палат в тогдашнем старом мазанковом доме Сената на Троицкой площади.

В 9 часов вечера начались небывалый фейерверк и народное гуляние. Царь «сам ту огненную потеху управлял». В центре продолжавшегося два часа фейерверка были созданный огнями торжественный «храм Янусов», венки, щиты, огненные колеса и фонтаны, «потешные ядра и верховные ракеты», различные фигуры на воде и водные ракеты. На одном из щитов был изображен плывущий по морю корабль и надпись: «Конец дело венчает», а рядом сияли белым огнем две пирамиды и «казалось якобы Алмазы Брулианты были»...

Во время этого торжества прозвучала тысяча выстрелов из пушек и ручного оружия. «Такой огонь сочинило, что казалось, якобы залы Санктъ Петербурга и река Нева, которая галерами наполнена была, загорелися...»

Вдруг забили на освещенной фейерверком Троицкой площади «два фонтана: из одной белое, а из другой красное вино испущали, и оное, також и целой жареной и многими птицами наполненной бык, поставленный на полку на шести степенях (ступенях), народу на употребление отданы».

А бал в Сенате продолжался до 3 часов утра – «и тогда все веселы и с великим удовольствием... разъехались». Но балы и маскарады с участием тысяч людей продолжались еще несколько дней.

Это было самое великое торжество, пережитое Петербургом в XVIII веке. Им открывается новый, двухвековой период российской истории, именуемый «петербургским».

К политесу и парадизу

Почтовый двор

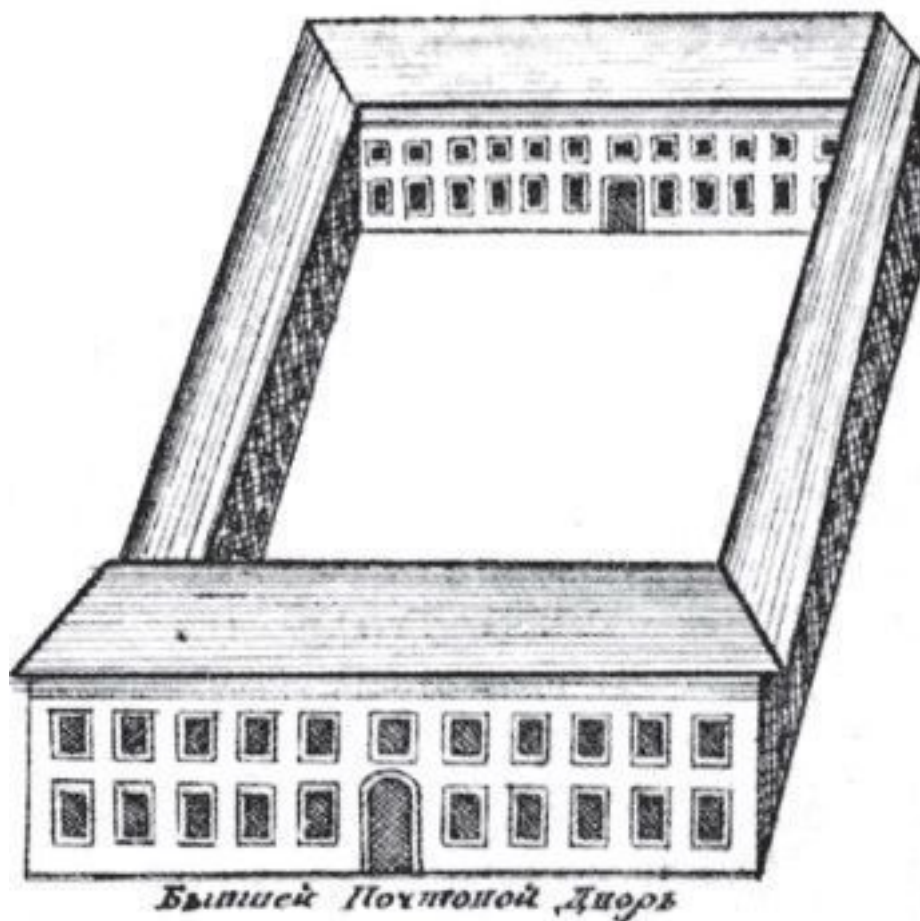
Почта – весьма странное учреждение. С одной стороны, она является одной из самых востребованных и наиболее часто посещаемых нами государственных служб, снабжает нас информацией (нередко, впрочем, бесполезной, никчемной, а часто и очень печальной), приносит нам различные известия (как давно ожидаемые, так и совсем неожиданные). Она, как традиционная, письменная, так и самая современная, оснащенная умопомрачительно сложным техническим инструментарием (при этом остается связью, коммуникацией, т. е. почтой в собственном значении этого слова), является главным средством общения, диалога между странами и народами, между государством и его гражданами – теми, кого мы с недавних пор привыкли называть неуклюжим понятием «юридические и физические лица». Быть может, это ее важнейшая функция – связь между людьми, помощь им в обмене радостями и горестями, впечатлениями и размышлениями, переживаниями и сомнениями...

И никакие технические новинки никогда не избавят ни государства, ни людей от необходимости всецело владеть тем арсеналом средств общения, который с древнейших времен представляет только почта – любой ее вид: голубиная, звуковая, узелковая, клинописная, ямская, железнодорожная, авиационная, электронная, на собачьих упряжках и на велосипедах. Ведь единственным конкурентом почты, перед которым она пасует, является непосредственное общение людей – лицом к лицу, «глаза в глаза»...

Но о почте как таковой, о ее огромной роли в нашей повседневной жизни, официальной и частной, мы почти никогда не задумываемся, если не считать, разумеется, наших жалоб на работу самой почты, на неаккуратность этой сложнейшей разветвленной и, в общем-то, четко организованной государственной (непрерывно, только государственной) службы.

Впрочем, поводы для таких жалоб, для недовольства работой почты были не всегда. Например, сто лет назад почтовая служба в крупных городах России неукоснительно соблюдала правило доставки городской корреспонденции, опущенной в ящики до полудня, в течение того же дня. И хочется надеяться, что наша нынешняя «Почта России» когда-нибудь достигнет показателей столетней давности...

Любые почтовые отправления деловые бумаги, личные письма и бандероли, художественные открытки (их только посвященных Петербургу и его достопримечательностям в дореволюционное время было выпущено более 9 тысяч сюжетов), поздравительные открытки, почтовые конверты и штампы на них, почтовые марки и все остальное, связанное с почтой составляет бесценный источник сведений, очень часто нигде больше не доступных, о жизни, общественной и частной, о достижениях и размышлениях сотен тысяч людей, в том числе выдающихся, каждая деталь жизни которых представляет огромный интерес для науки, для истории той или иной области знания, для биографии, культурологии, психологии, для изучения истории политической и общественной жизни, для уточнения «портрета» того или иного времени или поколения.

Бывший Почтовый двор

Нетрудно (хотя многие, вероятно, с этим не согласятся) представить, насколько обеднилось бы наше восприятие творчества Пушкина или Гоголя, Белинского или Достоевского, Тургенева и Толстого, Чехова и Блока, если бы тома их гениальных творений не сопровождались томами (а таких томов нередко издано большое число) писем к разным адресатам и по разным поводам. Потому что письма – это не только листы переписки, содержащие информацию, а особого жанра художественные произведения, раскрывающие тайну рождения и претворения замысла поэмы или романа, статьи или живописного полотна, публицистического памфлета или симфонии, которой суждено покорить мир.

Недаром, вероятно, в конце XVIII века, который был веком торжества эпистолярного (содержащего переписку) жанра, Николай Карамзин пишет и публикует свои знаменитые «Письма русского путешественника», а Александр Радищев четко определяет структуру своего «Путешествия из Петербурга в Москву» по названиям ямских станций главного почтового тракта России, соединяющего обе столицы.

В давние времена русского Средневековья, в Московской Руси, в Российской империи XVIII–XIX веков государственная почта, содержание почтовых трактов и станций, почтовые служащие (вспомните «Станционного смотрителя» Самона Вырина из пушкинской повести), казенный (по государственным делам) и платный (для обычных пассажиров) проезд в почтовых экипажах, само прибытие и убытие почты (строго по расписанию) были важными событиями городской или поселковой жизни во всех пунктах страны, «от столиц до окраин» ее. Не просто календарные даты, а вехи бытия.

Недаром ведь «от временных лет» доныне расстояние между населенными пунктами отмеряется не от главной площади города, не от места расположения властных структур, а от места, где находилось почтовое ведомство. В Петербурге – это Почтамт (его часто называют Главным, но это нелепость: почтамт в городе может быть только один, потому что это не почтовое отделение, а почтовое ведомство. Именно здесь размещалось Министерство почт и телеграфа России). И не случайно рядом с петербургским Почтамтом размещается потрясающий своим богатством, своими бесценными коллекциями почтовых раритетов один из лучших в мире Музей связи. И какое счастье для города и его гостей, что музей этот недавно был после почти 30-летней консервации и реконструкции вновь открыт и восстановил свой давний имидж одной из главных музейных достопримечательностей Петербурга.

И как не коснуться, говоря о почте и ее роли в отечественной культуре и об особой «почтовой культуре» страны, еще двух тем: темы ямщика и «ямской гоньбы» и темы коллекционирования важнейших атрибутов почты – почтовых марок (филателия), почтовых открыток (фелумения), почтовых конвертов, штемпелей спецгашения и пр. Эти виды коллекционирования – и не только простого собирательства, но и тщательного, глубокого изучения – в России давно уже достигли и широкого распространения, и высочайшего уровня. И бесспорного мирового признания – как важная историко-прикладная дисциплина и как знак исторической памяти, непреходящего интереса и глубочайшего уважения ко всем сторонам и проявлениям исторической жизни.

А ямщики... Один из самых трогательных романтических образов и русского фольклора, и русской жизни. Одиноким человек на государственной службе среди бескрайних пустынных равнин и далее родной страны. Он вечно в пути, наедине со своими воспоминаниями и размышлениями, чувствующий, что все эти бескрайние просторы, леса и поля, простирающиеся вокруг в данный момент, принадлежат ему. Только ему одному...

* * *

На протяжении XVI и XVII веков дорога из Москвы на Тверь и Новгород была одной из главных дорог России. В этом направлении развивались важнейшие политические процессы, устанавливались (хотя эпизодические и очень сдержанные) связи России со странами Северо-Восточной Европы и Прибалтикой. По этой дороге двигалось в 1697 году «Великое посольство» Петра, по ней же шли осенью 1700 года новые русские «регулярные» полки в свой первый, такой провальный поход к Нарве, которым началась Северная война со Швецией.

С момента закладки в мае 1703 года крепости на Заячьем острове дорога от Москвы к берегам Невы приобрела особое значение – военное и политическое. А после Полтавской победы и успехов в Прибалтике и на северном берегу Финского залива она стала главной дорогой России и ее главным почтовым трактом, имевшим огромное значение и для переноса столицы из Москвы в Петербург, и для осуществления политики создания «окна в Европу».

И тогда, в начале 1710-х годов создается главный почтовый центр России – Петербургский, столичный, Почтовый двор, и при нем – особые части растущего города – Ямские слободы, где жили ямщики.

Почтовый двор находился там, где кончалась дорога, начинавшаяся от Москвы, – на самом берегу Невы, у пристани (она некоторое время так и называлась – «Почтовой», это название встречается и в документах 1780-х годов, когда самого Почтового двора в этих местах уже полвека как не было). Отсюда начинался перевоз на гребных судах на правый берег Невы, на Городской (Петербургский) остров, ставший ядром молодого города, к его первым кварталам, крепости и тогдашней главной городской площади – Троицкой.

Особое значение нового Почтового двора для города и государства подчеркивалось его расположением между обоими первыми царскими дворцами, стоявшими на берегу Невы, –

Зимним и Летним. От Почтового двора и небольшой гавани при нем шел прямой и чистый канал к Мойке, называвшийся Красным. Теперь эта трасса – самый западный край Марсова поля, а бывшая территория самого Почтового двора, площади и гавани при нем занята выходящим к памятнику Суворову служебным корпусом Мраморного дворца и дворцового внутреннего двора.

Построенный наскоро, без всяких архитектурных затей и начавший действовать в начале 1714 года Почтовый двор был обширным, двухэтажным, почти квадратным в плане, мазанковым зданием с большим внутренним двором и с наружными, обращенными на все стороны деревянными «галереями для удобства, чтоб приезжие стоять могли» – как писал один из иностранцев, посещавших в те годы Петербург.

Здание было, употребляя нынешнее модное определение, «многофункциональным»: почтовое ведомство, гостиница для приезжих и принадлежавший приехавшему из Данцига купцу трактир. Кстати, вопреки мнению многих, старые трактиры, а их очень много было на почтовых станциях по всей Европейской России, были вовсе не харчевнями, низкопробными забегаловками, а вполне приличными общедоступными заведениями, а в названиях их соединяются немецкое «*traktiem*» – угощать с российским «тракт» – почтовая дорога.

Таким образом, петербургский Почтовый двор был не только «офисом» одной из важнейших государственных служб, отраслей государственного управления, но и своеобразным местом досуга горожан. Ведь именно здесь с того самого 1714 года проводились первые публичные ассамблеи – одна из важнейших «знаковых» подробностей общественного быта новой российской столицы. Для них и был предназначен большой «Ассамблейный зал» в Почтовом дворе – первое в городе (не считая, разумеется, культовых зданий) специальное помещение для публичного общения жителей, представляющих различные сословия, круги и кружки формировавшегося в те годы петербургского общества. Почтовый двор на невском берегу стал не только «информационным центром», где можно было узнать новые сведения, приходившие сюда из разных европейских столиц, не только окунуться в ту манящую сутолоку, которая в те времена непременно сопровождала «почтовую жизнь», прибытие и отправление почты. Здесь утверждались новые правила общественного поведения, новые формы проведения общественного досуга, новые нормы публичности. И в этом было исключительное значение столичного Почтового двора для развития российской светской культуры нового времени...

Почтовый двор на этом месте вблизи царских дворцов и с великолепным видом на Неву, на Троицкую площадь и крепость просуществовал недолго. Деревянное здание быстро ветшало (к тому же оно сильно пострадало от наводнения в ноябре 1725 года), оно оказалось в стороне от новых, возникавших в разных частях невского левобережья слобод и поселений. Значение Почтовой пристани и начинавшегося от нее перевоза на Петербургский остров резко упало, ассамблея постепенно перемещалась из общественного места в частные дома. Да и состоявшийся в начале 1728 года переезд двора и абсолютного большинства петербургского чиновничества и знати в Москву – все это «поставило точку» на 15-летнем «процветании» Почтового двора как важнейшего центра общественной жизни. И в 1729 году старый Почтовый двор был сломан, а почтовое ведомство перенесли в другое место. Но еще долго в разных документах мы встречаем упоминания «Старого Почтового двора» – и это было не только обозначение места, некий топографический код, – это была короткая по времени, но очень важная по сути глава истории петербургской культуры. Культуры специфической, почтовой, и культуры общественного быта.

Давайте серьезнее относиться к почте и к ее огромной и особой роли в нашей сегодняшней жизни. И давайте надеяться, что и сама «Почти России» будет серьезнее относиться к самой себе...

Ассамблеи

Ассамблея – слово французское, которого на русском языке одним словом выразить невозможно, но, обыкновенно сказать, вольное в котором доме собрание или съезд делается не для только забавы, но и для дела...

Из указа Петра I. 26 ноября 1718 года

«В большой комнате, освещенной сальными свечами, которые тускло горели в облаках табачного дыму, вельможи с голубыми лентами через плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардии в зеленых мундирах, корабельные мастера в куртках и полосатых панталонах толпою двигались взад и вперед при непрерывном звуке духовой музыки. Дамы сидели около стен; молодые блистали всею роскошью моды...»

Так Пушкин в повести «Арап Петра Великого» описывает ассамблею в царском дворце. Множество описаний таких собраний оставили и современники – сюжет этот был весьма примечателен в образе жизни петровского Петербурга.

Христиан-Фридрих Вебер: «На этих ассамблеях одна комната предназначена для танцев, другая для всякого рода игр и особенно для шахматной (в которой отличаются самые простые русские люди), в третьей комнате играют и ведут беседы, а в четвертой женщины развлекаются фантами и другими забавными играми...»

Очень подробно об ассамблее, устроенной в Почтовом дворе (на берегу Невы, на месте нынешнего Мраморного дворца) 2 марта 1721 года, рассказывает в своем донесении в Париж французский посланник Кампредон. «Царь с царицей и со всем двором прибыли в пять часов вечера; для царицы, придворных и просто приглашенных дам имелся отдельный покой с изящно накрытым столом, куда не входил ни один мужчина, кроме прислуживавших.

Вдоль стен большого зала были расположены три длинных стола, каждый на 60 персон, установленных холодными мясными блюдами; царь поместился за столом, за которым сидели моряки. Распорядитель праздника, князь Меншиков, сидел в конце стола, за которым впере-мешку, без всякого соблюдения чинов расположились сановники в голубых лентах, знатные персоны и иностранные министры, представители духовенства, казачьи депутаты...

Во время ужина царь несколько раз вставал, провозглашал тосты, время от времени выходил в покой царицы и подпевал певцам. Потом вдвоем с царицей протанцевали польский (поло-нез), и принцессы танцевали...»

«Великую ассамблею», устроенную 12 октября 1719 года в честь 2-летия царевича Петра (сына царевича Алексея), газета «Ведомости» описывала так: «В 4-м часу пополудни в ново-построенных галереях (в летнем саду) была великая ассамблея, и весь день, даже до полуночи, была пушечная стрельба и иллюминация...»

Таким образом, ассамблеями именовались не только домашние собрания, проводившиеся по определенным правилам и церемониалу, но и широкие многолюдные празднества в честь каких-то памятных, значительных дат или событий. Этим подчеркивалось общественное значение ассамблей.

Но кроме ассамблей были в Петербурге и различные вечеринки, банкеты (термины эти встречаются в документах тех лет), маскарады.

«Большой маскарад, – пишет Вебер о январском маскараде 1715 года, – к которому двор готовился три месяца... был назначен на 400 человек, при этом каждые четыре лица должны были иметь свой костюм и особый музыкальный инструмент. Вместе должны были быть представлены 400 различных костюмов и музыкальных мелодий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.